

Глава VI. Отзывы о Никонѣ.

Щербатовъ. — Берхъ. — Карамзинъ. — Лигаридъ. — Самаринъ. — С. М. Соловьевъ. — Ундольскій. — Костомаровъ. — Митрополитъ Макарій. — Каптеревъ. — Ключевскій. — С. Ф. Платоновъ. — Шушеринъ. — О чудесахъ Никона. — Жизнеописаніе Никона по Шушерину. — О предсказаніяхъ Никону объ его будущемъ патріаршествѣ. — Павелъ Аппепскій. — Н. А. А. въ Ч. О. И. и Д. Р. 1848. 5. — Митрополитъ Платонъ Левшинъ. — Шаповъ. — Архіепископъ Филаретъ Черниговскій. — Н. А. А. въ Правосл. Собесѣд. 1860 г. — Николаевскій (X. Чт. 1883 г.). — Субботинъ, Н. И. — Гюббенетъ. — Пальмеръ. — Николаевскій (жизнь Никона въ ссылкѣ). — Бар. Мейерберъ. — Архидіаконъ Коксъ. — Д-ръ Коллинсъ. — Уніать Кульчнискій. — Берхъ. — Pichler. — Levescue. — Herman. — Стэнли. — Пальмеръ. — Theiner. — Tondini. — Palmieri. — Грамота Восточныхъ Патріарховъ 5 мая 1632 года. — Митрополитъ Антоній Храповицкій. — Духъ Регламентъ. Смыслъ Клеветы о замахѣхъ Никона на царскую власть. — Наше заключеніе объ идеяхъ Патріарха Никона.

Обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что наши отечественные историки не освобождаются отъ предвзятой точки зрѣнія о Никонѣ и принимаютъ на вѣру приписываніе ему стремленій къ захвату царской власти. Эта легенда представляется, какъ нѣчто само собой разумѣющееся, и очевидно находила для себя поддержку въ господствующемъ взглядѣ на положеніе Церкви въ государствѣ. Не лишено въ этомъ отношеніи интереса мнѣніе историка времени Екатерины II Щербатова, для котораго память о какихъ то захватахъ Никона становится элементомъ, котораго призвана остерегаться государственная власть, и быть всегда на чеку, хотя въ основѣ такого мнѣнія лежитъ не дѣйствительность о Никонѣ, а созданная дворцовой партіей легенда о немъ. Вотъ что писалъ Щербатовъ о Никонѣ:

Щербатовъ.

(Ч. И. М. О. И. и Д. Р. за 1859 III, 69, 70). Первое равное Сенату правительство есть Синодъ для духовныхъ дѣлъ, въ которомъ имѣетъ право присутствовать для духовныхъ дѣлъ по именованію Государя архіереи, архимандриты и нѣсколько протопоповъ. Онъ управляется, кромѣ раздѣленія на департаменты, также какъ и Сенатъ, и въ немъ обрѣтается оберъ прокуроръ, особа нужная въ семь мѣстѣ для недопущенія духовенству захватывать гражданскими правами, къ чему они весьма склонны. Но разсмотримъ и самое сіе, такъ ли учреждено, какъ бы надлежало для достиженія до желаемаго конца? Архіереи и другія духовныя особы, присутствующія въ Синодѣ, суть люди почтенны ихъ саномъ, а часто и пронырствомъ, сочиняющіе корпусъ между собой, яко безпрестанно борющійся для пріобрѣтенія себѣ больше силы, а въ сопротивленіе имъ посаженъ одинъ оберъ прокуроръ, чловѣкъ не большого чина и по большей части не случайный при Государѣ, то можетъ ли онъ единой силѣ ихъ сана, пронырству и соединенію противиться? Правда, понынѣ не видно еще, чтобы архіереи многое захватили, но постороннія тому обстоятельст-

ва противились. При Петрѣ Великомъ не смѣли ничего начать; Императрица Екатерина и Петръ II мало царствовали; Императрица Анна имѣла при себѣ герцога Курляндскаго лютеранина, слѣдственно противнаго духовенству, императрица Елизавета мало, по набожности своей, не возобновила чинъ патріаршій и временникъ ея Разумовскій, преданный духовенству, болѣе упражнялся съ ними пить, нежели въ честолюбивыхъ ихъ намѣреніяхъ имъ помогать; а потомъ ея временникъ Ив. Ив. Шуваловъ, человекъ разумный, и совсѣмъ ихъ проискалъ путь пресѣкъ. Петръ III былъ внутренно лютеранинъ, а нынѣ царствующая императрица послѣдовательница новой философіи, конечно знаетъ, до какихъ мѣстъ власть духовная должна простираться, и конечно, изъ предѣловъ ея не выпуститъ. Но я впредь не ручаюсь, чтобы духовный чинъ, нашедъ удобный случай, не распростеръ свою власть".

XVIII вѣкъ былъ неблагопріятенъ для выясненія дѣла Никона. Духовный Регламентъ съ его сообщеніями о замахѣхъ, имѣвшими въ виду Никона, и торжество Синодальнаго правленія надъ патріаршествомъ не могли содѣйствовать разъясненію. Петръ I старался унизить не только институтъ патріаршества учрежденіемъ должности всешутѣйшаго патріарха при всепьянѣйшемъ соборѣ, гдѣ онъ царь былъ діакономъ, но и память св. патріарха Никона. Въ Духовномъ Регламентѣ спеціально было сказано о несуществующемъ замахѣ Никона на царскую державу: „да не помянутся бывшіе и у насъ подобные (папскимъ) замахы"; при Петрѣ же въ 1700 г. было запрещено властямъ Воскресенскаго монастыря построение Церкви во имя Преподобнаго Александра Свирскаго на мѣстѣ кончины Никона, и построенный имъ Иверскій монастырь былъ присоединенъ къ Александро-Невской лаврѣ, куда были перевезены лучшіе колокола и драгоценные сосуды, по свидѣтельству Митрополита Антонія. Еще въ 50-хъ годахъ XIX вѣка осталось безъ исполненія желаніе возстановить крестъ на мѣстѣ кончины Никона.

Отъ **Татищева** до церковнаго историка Петра Алексѣевича при Екатеринѣ II Никонъ вызывалъ только осужденіе. Вѣкъ Екатерины былъ враждебенъ всякимъ притязаніямъ церковной власти, и Епископъ Арсеній Маціевичъ пострадалъ за отстаиваніе церковныхъ имуществъ.

Берхъ.

Берхъ, пользовавшийся тѣми иностранными писателями, которые въ бытность въ Россіи свою информацію почерпали въ придворныхъ кругахъ, какъ Олеарій, Мейербергъ, объяснили дѣло Никона его властолюбивымъ характеромъ. Официальные документы по дѣлу Никона впервые использовалъ **С. М. Соловьевъ**, но они составлялись правительственной партіей, неблагожелательной Никону, и потому также односторонни — особенно тотъ источникъ, къ которому Соловьевъ отнесся съ полнымъ довѣріемъ — Паисій Лигаридъ.

Карамзинъ

До Соловьева еще **Карамзинъ** давалъ сужденія о Никонѣ подъ вліяніемъ ложныхъ идей. Онъ говоритъ о введеніи патріаршества: „Такимъ образомъ установилась новая верховная степень въ нашей іерархіи, черезъ 110 лѣтъ ниспроверженная самодержавцемъ Великимъ, какъ бесполезная для Церкви и вредная для единовластія государей, хотя разумный учредитель ея (Борисъ Годуновъ) не далъ тѣмъ духовенству никакой новой государственной силы и, перемѣнивъ имя, оставилъ Патріарха въ полной зависимости отъ Вѣнценосца. Петръ I зналъ исторію Никона и раздѣлилъ, чтобы ослабить власть духовную; онъ уничтожилъ бы и санъ Митрополита, если бы въ его время, какъ въ Іоаново или въ древнѣйшія, одинъ Митрополитъ управлялъ Россійской Церковью. Петръ царствовалъ и хотѣлъ только слугъ". (X, 73) Карамзинъ, какъ истый цезарепапистъ, даже не ставитъ вопроса, могъ ли по канонамъ Царь прекратить патріаршество, и гдѣ когда былъ нанесенъ патріаршествомъ вредъ царской власти. Все дѣлалъ гипнозъ о восхищеніи Никономъ на себя царской державы.

Лигаридъ.

Русскіе историки, Соловьевъ и Каптеревъ за исходный пунктъ въ объясненіе поступковъ Никона брали его гордость, которую внушилъ о Никонѣ **Лигаридъ**. Послѣдній, дѣйствительно, въ своей исторіи, написанной со спеціальной цѣлью угодить боярамъ и снять съ совѣсти Царя Алексѣя вѣчно тяготившій его актъ осужденія Никона, и оправдать боярскій походъ на Никона, съ цѣлью самому себѣ расчистить путь къ высшей церковной власти, — выставлялъ его гордымъ человѣкомъ. Такъ онъ пишетъ на стр. 258: „Who was more proud, for the multitude of his villages, for the nation of his dependents, than Nicon, when he was patriarch? Who, who boasted himself more in wealth and power than Nicon the Primate of all Great, Little and White

Russia? Ah, ah, he has fallen into the pit which he himself had dug for himself with his own hands, even as Lucifer like lightning from heaven into the hell which he had made for himself. Nikon has perished and his memorial had passed away with an empty sound and his towering pride has been singed and burned to ashes like a torch"¹.

Но извѣстно, что титулы Патриарха Никона только отражали титулы Царя и даны по приказу Царя. Онъ же Лигаридъ, желая возбудить противъ Никона приѣзжавшихъ судить его Патриарховъ, старался представить дѣло такъ, что будто Никонъ хотѣлъ подняться выше ихъ всѣхъ, III, 157, 158. „This kakiarch (patriarch of all that is bad) having been born of mean parents, lived first as a hired servant, being poorer than Irus; and afterwards having, beyond all hope, been raised to the lofty eminence of the patriarchal chair, he with the mad ambition of Lucifer impudently attempted to set his own chair above those of the other patriarchs...“². Но Никонъ строго соблюдалъ каноническій чередъ Патриарховъ. Онъ же Лигаридъ увѣковѣчилъ невѣрную идею о превозношеніи Никономъ себя выше Царя. Онъ пишетъ (III, 117): „And this is what has been done by the four patriarchs **on account of the arrogant Nikon, who was lifting up himself so as to overtop the emperor in dignity and making himself everything in all affairs**, and becoming a Proteus, and hereby subverting and throwing into confusion the manners of the empire, yea and customs of society“³. Лигаридъ во всѣхъ дѣйствіяхъ Никона ищетъ гордости, даже въ исполненіи обряда Ваи (III, 306). „O reader, note with me for a moment the arrogance of Nikon, who made the example of Christ to consist not in washing the feet of the disciples, but in setting on the colt with Vaia and bougs“⁴. Но Никонъ, какъ извѣстно, мылъ ноги странникамъ, по разсказу Павла Алеппскаго, даже и не въ Великій Четвергъ. Самый уходъ отъ патриаршества Никона рисуется Лигаридомъ, лишь какъ ожиданіе, чтобы Царь самъ

¹ Кто болѣе гордился, чѣмъ онъ, множествомъ сель, количествомъ населенія въ своихъ владѣніяхъ, чѣмъ Никонъ, когда онъ былъ Патриархомъ? Кто больше хвалился силой и властью, чѣмъ Никонъ Патриархъ Великой, Малой и Бѣлой Руси? Увы, онъ палъ въ колодезь какъ песь со всѣми своими лапами, или, лучше, какъ Люциперъ, ниспадшій съ неба въ адъ, уготованный имъ для него самого. Никонъ погибъ и память о немъ прошла какъ пустой звукъ, и его надменная гордость спѣта и превращена, подобно факелу, въ пепель.

² Этотъ начальникъ великаго зла, уродившійся отъ родителей низкаго происхожденія, жилъ сначала, какъ наемный слуга, будучи бѣднѣ Ира; позднѣ поднявшись, вопреки всякому ожиданію, до высокаго достоинства патриаршаго титула, онъ безумнымъ честолюбіемъ Люцифера покушался поставить свой патриаршій престоль выше другихъ патриаршихъ престоловъ.

³ Какъ было установлено четырьмя Патриархами, надменный Никонъ стремился превзойти Царя въ достоинствѣ, во всемъ выдвигалъ самого себя, сталъ Протеемъ и этимъ повергалъ въ хаосъ управление царствомъ и обычаи общества.

⁴ Читатель, обрати на моментъ свое вниманіе вмѣстѣ со мной на надменность Никона, который воспринялъ какъ примѣръ Христа не умовеніемъ ногъ Своихъ учениковъ, а возсѣданіемъ на осляти съ вѣтвями ваи.

пришелъ его умолять остаться, что Никонъ жаждалъ этой власти. Съ посольствомъ къ нему отъ Царя Никонъ „fell foul of them more and more fiercely, not letting them come and go without fighting and raging against them lifting up his neck on high, like a fiery unmanageable horse, presenting that he was unwilling, when he panted like a stag after it, to resume the patriarchate"¹. Эти сужденія Лигарида запечатлѣли и характеристики Никона у Соловьева и Каптерева, слѣдовавшихъ за нимъ въ его сужденіяхъ.

Самаринъ.

Ю. О. Самаринъ пишетъ въ книгѣ „Ееофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій (1843 г.), сочиненіе т. V, стр. 226: „Изъ всѣхъ дѣлъ и словъ Никоновыхъ, до насъ дошедшихъ, усматривается его двойственное стремленіе: отрѣшить безусловно церковныя владѣнія, управленіе ими и судопроизводство въ нихъ отъ всякой подчиненности верховной власти, изолировать ихъ въ государствѣ: другими словами гражданскія права духовенства, какъ сословія, вознести на степень существенныхъ правъ самой Церкви, и въ то же время въ области Церкви всю власть сосредоточить въ своихъ рукахъ, водворить монархическое начало: эти двѣ цѣли клонились къ одной главной: возвести Церковь на степень самостоятельнаго государства въ государствѣ. Поэтому всѣ предшествующія учрежденія (которыми Цари ввели управленіе церковными имѣніями въ составъ общаго государственнаго управленія, подчинивъ его своему надзору, нисколько, впрочемъ, его не стѣсняя, Монастырскій Приказъ и пр.). Никонъ считалъ незаконнымъ вмѣшательствомъ въ судопроизводство церковное, расписаніе церковныхъ имуществъ, предписанное Царемъ возбуждало въ немъ негодованіе. Наконецъ пошлины, которыми были обложены церковныя земли и обязанность во время войны выставить даточныхъ людей, казались ему нарушеніемъ существенныхъ правъ Церкви". Обвиненія послѣдняго рода Самаринъ подкрѣпляетъ не обвиненіями, сдѣланными на Соборѣ, судившемъ Никона (такихъ обвиненій къ нему и не было предъявлено), а только докладомъ посланныхъ къ Никону отъ Царя людей по доносу Боборыкина, докладомъ, сдѣланномъ ими Царю, но не показаніями самого Никона или свидѣтелей; эти посланные говорили Царю то, что они сами выговаривали Никону, а не то, что они слышали отъ него, но для этого

¹ Обходился все и болѣе гордо, не позволяя имъ ни войти ни выйти безъ того, чтобы не вступать въ борьбу и не неистовать, вознося высоко свою выю, подобно гордому необъѣзжаному коню, дѣлая видъ, будто не ищетъ онъ патріаршаго престола, котораго, однако, алкалъ подобно оленю.

незачѣмъ было и ѣздить къ Никону, ибо голословныхъ обвиненій со стороны его враговъ невозможно даже и перечислить. Стремленіе приписать Никону ввести монархическое управленіе въ Церкви базируется на единоличномъ будто бы судѣ надъ Митрополитомъ Павломъ, но извѣстно, что Павелъ Алеппскій писалъ, что это не былъ единоличный судъ, а совершенъ былъ совмѣстно съ Царемъ, добавляя, „и по совѣту Константинопольскаго Патріарха“; кромѣ того, самъ Никонъ говорилъ на судѣ, что объ этомъ сохранилось дѣло въ Приказѣ, изъ котораго видно, что онъ не одинъ судилъ Митрополита Павла. Практика его патріаршествованія показываетъ, что онъ обращался къ соборамъ не только въ экстраординарныхъ случаяхъ, какъ при обрядовыхъ реформахъ, но и въ менѣ важныхъ дѣлахъ, такъ въ 1657 году Соборъ занимался перемѣщеніемъ архіереевъ съ одной кафедры на другую. Обвиненіе Никона въ стремленіи совершенно изолировать церковное управленіе отъ государственнаго и отрѣшить церковныя владѣнія отъ всякой подчиненности государственной власти не точно, ибо Никонъ постоянно обращался къ Царю за содѣйствіемъ, даже въ чисто церковныхъ дѣлахъ, но отстаивалъ самостоятельность церковнаго управленія въ сферѣ, по существу принадлежащей Церкви (назначеніе на церковныя должности, судъ въ церковныхъ дѣлахъ); въ условіяхъ того времени подсудность опредѣлялась по лицамъ, а не по предметамъ, и силой вещей Никонъ отстаивалъ гражданскую подсудность духовенства суду Церкви ссылкой на принципъ самоуправленія Церкви въ своихъ дѣлахъ, не различая ихъ по существу. Однако, какъ мы уже говорили, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отстаивалъ для Церкви и ея собственную сферу, а въ вопросѣ гражданской подсудности духовенства и неприкосновенности церковной собственности ссылается на историческую традицію, слѣдовательно, и не причислялъ ихъ къ существеннымъ правамъ Церкви, какъ писалъ ошибочно Самаринъ. Самаринъ признаетъ (230 стр.), что многія обвиненія противъ Никона очевидно внушены личной ненавистью и носятъ признаки самой грубой клеветы (присвоеніе титула великаго Государя, непризнаніе соборныхъ постановленій, введеніе въ Церковь необычныхъ чиновъ, именованіе себя Новоіерусалимскимъ Патріархомъ, устройство монастырей съ похищеніемъ собственности и проч.). Далѣе онъ признаетъ: „вообще въ этой многосложной и великой тяжбѣ Царя съ Патріархомъ, правда и неправда, дѣйствительныя вины Никона и клеветы на него возведенныя, важное и ничтожное такъ перемѣшано и сбито, что,

вѣроятно, уже оно не предстанеть никогда во всей ясности и строгости. Можетъ быть, къ сверженію Никона не было достаточно причинъ; можетъ быть, онъ могъ бы получить разрѣшеніе отъ безстрастныхъ судей; но не менѣе того, стремленіе Никона, мысль, которую онъ преслѣдовалъ, но не успѣлъ осуществить, и которой современники и обвинители его не могли узрѣть ясно и очистить отъ мелкихъ обстоятельствъ, эту мысль нельзя не осудить, какъ противную духу Православной Церкви. Никонъ хотѣлъ для Церкви независимости отъ государства въ самомъ государствѣ, для Патріарха власти неограниченной, самодержавной, вообще замысль его клонился къ тому, чтобы основать въ Россіи частный національный папизмъ". Съ этимъ совершенно невозможно согласиться послѣ изученія сочиненій Никона. Никонъ не насаждалъ русскаго папизма. Папизмъ — явленіе сложное: въ него входитъ понятіе объ особой природѣ папской власти и существенномъ ея отличіи отъ архіерейской въ видѣ дополнительнаго примата въ Церкви, о папствѣ какъ основѣ самой Церкви, (по ученію католическому Церковь основана на Папѣ, а не Папа на Церкви), понятія о составѣ папской власти, со включеніемъ въ нее власти косвенной въ свѣтскихъ дѣлахъ, ученіе о монархичности, а не соборности власти, наконецъ, ученіе о прямой государственной власти Папы на территорію его государства какъ о правѣ оригинарномъ (т. е., въ силу собственнаго права, не производномъ) и именно потому и неприкосновенномъ. (Папское государство прекратило свое существованіе только въ 1870 г. и возстановлено въ 1929 г.). Никонъ же ограждалъ существенныя права Церкви, а прикладныя ея права выводилъ изъ понятія о православномъ Царѣ, долженствующемъ заботиться о Церкви, и изъ необходимости соблюдать завѣты, данныя Царями при дареніяхъ Церкви, и обѣты ихъ въ нерушимости церковной собственности за себя и за своихъ преемниковъ.

Въ огражденіе же существенныхъ правъ Церкви Никонъ слѣдовалъ не папской традиціи, а святоотеческой, которая сохранялась въ папствѣ на ряду съ позднѣйшими наслоеніями и омѣрщеніемъ Церкви въ вопросѣ, главнымъ образомъ, о косвенной власти Папы въ свѣтскихъ дѣлахъ и внесеніи въ Католическую Церковь элементовъ государственнаго характера. Извѣстно къ тому же, что патріаршая область не составила государства въ государствѣ, и важнѣйшія уголовныя дѣла всегда подлежали суду государства; рѣшительно нигдѣ въ сочиненіяхъ Никона мы не видимъ, чтобы онъ жаловался на это, какъ ни подробно перечислялъ онъ обиды Церкви отъ Царя. Самыя

земельныя владѣнія онъ основывалъ на дареніи Царя за свою службу ему и доказывалъ Лигариду, что онъ не заслужилъ ихъ отнятія за неблагодарность Царю, ибо таковой съ его стороны не было обнаружено; въ концѣ концовъ онъ и завѣщаль ихъ „епархіи Московской, а не своему преемнику — Патріарху. Одного стремленія Никона создать свои особые монастыри, отстоять вѣковую юрисдикцію Церкви и церковную собственность слишкомъ недостаточно для обвиненія въ папизмъ. Не вводилъ онъ и единоличнаго управленія въ Церкви, а опирался на соборъ помѣстныхъ архіереевъ съ участіемъ иностранныхъ архіереевъ и признавалъ компетенцію надъ собой суда вселенскихъ Патріарховъ, если онъ законно составленъ и по канонамъ судить. Судъ же 1666 года надъ собой почиталъ нечестивымъ, ибо онъ былъ осужденъ имъ за дѣла, которыхъ онъ не совершалъ, и по правиламъ, не относящимся къ его уходу и неправильно воспроизведеннымъ. А призывъ къ послушанію Патріарху, какъ начальному отцу, не являетъ ничего необычнаго; къ этому призывали Патріархи архіереевъ и бояръ и послѣ Никона, какъ видно изъ описанія Лигаридомъ интронизаціи Патріарха Іоасафа II. Само по себѣ это послушаніе есть каноническая обязанность, въ извѣстныхъ каноническихъ границахъ, православныхъ людей по отношенію къ первосвященителямъ своей помѣстной Церкви и, если Никонъ потребовалъ его особо въ 1652 г., то потому, что совершено было незадолго до этого, за три года величайшее въ его глазахъ правонарушеніе, — издание законовъ, противорѣчащихъ канонамъ, обнаружившее секуляризаціонныя стремленія правительства и его желаніе понизить государственное положеніе Церкви, вопреки 600 лѣтней традиціи. Мнѣніе Самарина о Никонѣ можно объяснить тѣмъ, что онъ имѣлъ въ распоряженіи исключительно нѣкоторые официальные документы о Никонѣ, составленные тенденціозно самимъ правительствомъ, судившимъ Никона. Не видно, чтобы среди этихъ официальныхъ документовъ онъ видѣлъ самое дѣло Никона. Въ силу этого и то, что Самаринъ почиталъ правдой въ дѣлѣ Никона, при болѣе пристальномъ разсмотрѣніи оказывается такой же неправдой, какъ и другія обвиненія на Никона.

Самаринъ оправдываетъ самое уничтоженіе патріаршества (стр. 237), говоритъ, что понятіе о необходимости патріаршества, встрѣчающееся у нѣкоторыхъ писателей XVII и XVIII ст., возводило его на степень учрежденія Божественнаго, безусловнаго и почти равняло его съ папизмомъ. Вотъ почему уничтоженіе патріаршества въ

Россіи было необходимо. Но какъ разъ по этимъ соображеніямъ государственная власть и не могла уничтожать учрежденія церковнаго хотя патріаршество въ смыслѣ созданія особой инстанціи надъ митрополитами и не есть учрежденіе Божественное, а церковное V вѣка, а самый принципъ объединенія всѣхъ епископовъ, пастырей Церкви подъ однимъ главенствомъ является учрежденіемъ апостольскимъ (34 ап. правило), входящимъ въ составъ преданія.

С. М. Соловьевъ

Соловьевъ совершенно точно воспроизводитъ сужденія Лигарида, дополняя и развивая сужденія свои общимъ разсужденіемъ о взаимномъ положеніи Царя Алексѣя Михайловича и Патріарха Никона (XIII, 141): „молодой, мягкій по природѣ, благочестивый не по одному титулу Царь вполнѣ подчиняется энергичному Патріарху. Но это самое положеніе, это обиліе матеріальныхъ мірскихъ средствъ и заключаетъ въ себѣ причину паденія Никона, который, какъ человѣкъ плоти и крови, не выдержалъ искушенія, прельстился предложеніемъ царства и палъ. Никонъ позволилъ себѣ принять роковой титулъ великаго Государя, т. е., главнаго хозяина, правителя страны, титулъ, не могшій имѣть никакого отношенія къ значенію Патріарха, титулъ прямо указывавшій на двоевластіе, на то, что два хозяина въ домѣ, и влекшій необходимо къ столкновенію между ними, тѣмъ болѣе, что Никонъ по природѣ своей не могъ быть только титулярнымъ великимъ Государемъ. Патріаршество, высокое значеніе его, стало для Никона на второмъ планѣ, онъ бросился на мірскую власть, захотѣлъ быть настоящимъ великимъ Государемъ, настоящимъ, законнымъ и проигралъ свое дѣло, потому что сталъ въ видимое для cadaго незаконное положеніе. Поведеніе Никона съ момента отреченія представило рядъ скандаловъ, ронявшихъ все болѣе и болѣе бывшаго Патріарха, который совершенно потерялъ изъ виду Церковь, патріаршество и хлопоталъ только о томъ, чтобы ему, Никону, если нельзя возвратить все прежнее, то по крайней мѣрѣ удержать какъ можно больше изъ своего прежняго матеріальнаго значенія, изъ прежнихъ матеріальныхъ выгодъ; но въ какомъ бы печальномъ состояніи ни находилось общество, все же оно не могло не оттолкнуться отъ человѣка, который великое общественное дѣло превратилъ въ личное". Мы, напротивъ, полагаемъ, какъ это видно изъ всего нашего труда, что Никонъ былъ неутомимый борецъ за идею; ниоткуда не видно, чтобы онъ искалъ мірской власти, а напротивъ своей прямо-

линейностью показывалъ, что онъ дорожить идеей, а не своимъ положеніемъ, что скандалы устраивали послѣ его ухода бояре со спеціальной цѣлью найти причину, чтобы отдѣлаться отъ него совсѣмъ, что паденіе Никона есть искусственная интрига бояръ, съ которыми онъ при своей чистотѣ и прямолинейности не могъ бороться такими же коварными средствами. Соловьевъ не признаетъ за Никономъ никакихъ духовныхъ стремленій, но это опровергается всѣмъ образомъ жизни Никона, его аскетизмомъ, строгостью къ себѣ, его любовью къ самому строгому церковному уставу. Матеріальныхъ выгодъ онъ себѣ никогда не искалъ и, когда имѣлъ власть и средства, все отдавалъ на постройку церквей и монастырей и, когда хотѣлъ возвращенія изъ ссылки, мечталъ продолжать тамъ въ Воскресенскомъ монастырѣ оставшійся недостроеннымъ храмъ. Сужденія Соловьева о Никонѣ высказаны, когда онъ писалъ XI и XIII томъ своей Исторіи, т. е., въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ XIX вѣка, когда еще не было работъ проф. Николаевскаго въ 80-хъ годахъ, Гюббенета въ 90-хъ годахъ, Пальмера въ 70-хъ годахъ. Онъ игнорировалъ трудъ Шушерина, появившійся первый разъ въ печати въ 1784 году и переизданный въ 1816 году. Соловьевъ высказалъ сужденія (XI, 320), что „взгляды Никона на отношенія между царской и патріаршей властью расходятся съ преданіемъ Восточной Церкви, какъ они утверждены въ русской исторіи". Но цезарепапистскія стремленія стали захватывать Русскую Церковь съ половины XV вѣка, и ихъ нельзя считать традиціей Восточной Церкви, ибо на ряду съ ними была святоотеческая традиція, борющаяся съ цезарепапизмомъ. Никонъ же отстаивалъ именно послѣднюю. Хотя Соловьевъ писалъ о соборѣ 1666 г. на основаніи архивныхъ данныхъ, однако извѣстно, что правительственныя сообщенія о дѣлѣ Никона уже потому тенденціозны, что правительство было стороной въ этомъ дѣлѣ, и многія частности процесса и приготовленій къ нему, уличающія правительство въ односторонней тенденціозности въ отношеніи къ дѣлу, опущены.

Ундольскій.

Также въ 60 хъ годахъ была написана статья Ундольскаго, основанная на изученіи Никоновскаго „Раззоренія", также исходившая изъ цезарепапистской тенденціи. Ундольскій († 1864 г.) написалъ статью: „Новые матеріалы для исторіи законодательства въ Россіи", которая помѣщена была послѣ его смерти въ Русскомъ Архивѣ за 1886 г. подъ заглавіемъ „Отзывъ Патріарха Никона объ Уложеніи

Царя Алексѣя Михайловича Въ ней онъ упоминаетъ о „Раззореніи“ Никона, подлинникъ котораго хранится въ Воскресенскомъ монастырѣ, но списки котораго были въ Академіи Наукъ и въ рукописяхъ самого Ундольскаго. Онъ пишетъ: „Несмотря на великую личность Патріарха Никона, его заслуги Царю и отечеству, должно сказать, что не всѣ пункты сего отзыва заслуживаютъ подробнаго разсмотрѣнія. По обширности его (945 листовъ in 4°) можно назвать разборомъ или разсмотрѣніемъ Уложенія, но, исключивъ изъ него вынужденное обстоятельствомъ, въ которыхъ писано возраженіе, останется не больше, какъ отзывъ о нашемъ знаменитомъ законодательномъ памятникѣ. Какъ въ самомъ Уложеніи нѣкоторыя статьи должны имѣть силу дѣйствующаго законодательства, другія напротивъ имѣютъ только историческое значеніе, такъ и въ отзывѣ Патріарха Никона. Какъ видитъ читатель, это не совсѣмъ точно, ибо, если дѣйствительно Никонъ писалъ въ своемъ „Раззореніи“ много о Монастырскомъ Приказѣ, созданномъ Уложеніемъ, то онъ не ограничился критикой нормъ Уложенія, а перешелъ къ идеологической критикѣ постановки самой царской власти и патріаршества, къ выясненію высшихъ принциповъ государственнаго строительства, разъяснить которыя было цѣлью нашего труда, и высшей идеи, которой призвано служить законодательство — идеи оцерковленія жизни. Ундольскій въ критикѣ Никона на Монастырскій Приказъ видитъ преувеличеніе, ибо Никонъ видѣлъ въ этомъ „восхищеніе Царемъ на себя святительскаго чина и власти церковной“ (Ib. 614 ст.); равно Ундольскій находитъ естественнымъ, что Митрополитъ Крутицкій обращался къ Царю за выборомъ лицъ для поставленія въ епископы и архимандриты, не видя въ этомъ самоуправства Царя въ Церкви. Очевидно, самъ Ундольскій не оцѣнилъ того, что критика Никона направлена на самый цезарепапизмъ въ принципѣ, и чтобы оцѣнить Никоновское возраженіе, надо встать на точку зрѣнія самой Церкви. Но Ундольскій правильно отмѣтилъ, что Никонъ протестовалъ противъ разоренія патріаршихъ дѣлъ, въ Уложеніи начатаго, и прекращенія роста земельной церковной собственности. Но далѣе опять, не уяснивъ исходнаго пункта возраженій Никона, онъ напрасно объясняетъ его раздраженіемъ. Слова „священство царства преболѣ есть, что Царь не есть, не можетъ быть глава Церкви“ (ib. 615 ст.): — не раздраженіе, а святоотеческое ученіе. Поэтому напрасно Ундольскій оговариваетъ, что изъ любви къ правдѣ онъ не оставилъ безъ вниманія и этихъ мѣстъ „не въ обличеніе злосчастному

Патріарху, но въ доказательство, что и самыя высокія души иногда несвободны бывають отъ високоумія, неприличнаго христіанину, особенно же Первосвятителю". Непониманіе исходнаго пункта Никоновскаго ученія видно изъ слѣдующихъ словъ Ундольскаго. Признавая правильность патріаршихъ отвѣтовъ, что царская власть безпредѣльна, Ундольскій напоминаетъ Никону его же слова, что подобаеть коемуждо своя мѣста знати, а не восхищаться на не сущая" (ib. 619 ст.). Приписывая Никону сужденія въ „Раззореніи" его крутости, Ундольскій признаеть его заботы о просвѣщеніи, восхваляетъ за собраніе греческихъ и славянскихъ рукописей и кончаеть статью: „Станете ли вы разсматривать богатѣйшія вещи патріаршей ризницы, обратитесь ли къ памятникамъ зодчества отъ патріаршаго дома до монастырей Иверскаго и Ново-Іерусалимскаго съ монументальнымъ памятникомъ съ (доселѣ единственнымъ) храмомъ Воскресенія, вездѣ увидите геній Никона. Самое возраженіе, писанное не въ спокойномъ расположеніи духа, („огорчевался отъ великія кручины) не ясно-ли доказываетъ, что Никонъ имѣлъ способности необыкновенныя, обладалъ обширнымъ знаніемъ Св. Писанія, соборныхъ правилъ, писаній святоотеческихъ и ко всему этому, при отличной памяти, былъ находчивъ до невѣроятности?" Добавимъ: доказывается въ „Раззореніи" большее, что онъ указаль правильный методъ, принятый современной канонической наукой, — опредѣлить компетенцію Царя и Патріарха по внутренней природѣ ихъ чина, онъ далъ теорію православнаго Царя, цѣнную не только для его времени, но и для грядущихъ поколѣній.

Костомаровъ.

Костомаровъ (Русская Исторія въ жизнеописаніи ея главнѣйшихъ дѣятелей. Выпускъ IV, 1874) не даетъ своей оцѣнки идей Никона въ отношеніи постановки церковно государственныхъ отношеній; изъ его церковнообрядовыхъ реформъ онъ выводитъ заключеніе, что у него благочестіе не шло далеко за предѣлы обрядности. „Буква богослуженія приводитъ къ спасенію; слѣдовательно необходимо, чтобы эта буква была выражена какъ можно правильнѣй. Таковъ былъ идеаль Церкви по Никону. Буква обряда давно уже камнемъ лежала на русской духовной жизни. Эта буква подавляла богатую натуру Никона („Никонъ" стр. 168). Задачей Никона было правильное однообразіе церковной практики; изъ этой задачи прямо вытекала потребность и единой церковной власти, а эту

власть находилъ онъ въ себѣ, въ своемъ патріаршемъ санѣ, и вотъ Никонъ, ревностно взявшись за дѣло достиженія единообразія церковной обрядности, логически долженъ былъ сдѣлаться борцомъ за независимость и верховность своей патріаршей власти". Если бы Никонъ придавалъ такое значеніе обряду, то едва ли бы онъ въ 1657 г. разрѣшилъ Неронову служить въ Успенскомъ Соборѣ по старымъ книгамъ. А что онъ хотѣлъ единообразія обрядовъ, то самъ Костомаровъ приводитъ приведенную Никономъ въ предисловіи къ Служебнику, цитату изъ грамоты Вселенскихъ Патріарховъ на устройство въ Россіи патріаршества, цитату, которая призвана объяснить церковно-обрядовую реформу Никона: „Православная Церковь приняла свое совершеніе не только по богоразумію и благочестію догматовъ, но и по священному Уставу церковныхъ вещей; праведно есть намъ истреблять всякую новину ради церковныхъ огражденій, ибо мы видимъ, что новизны всегда были виной смятеній и разлученій въ Церкви; надлежитъ послѣдовать Уставамъ Св. Отецъ и принимать то, чему мы отъ нихъ научились, безъ всякаго приложенія или убавленія. Всѣ святые озарялись отъ единого Духа и уставили полезно: что они анаемъ предають, то и мы проклинаемъ; что они подвергли низложенію, то и мы низлагаемъ; что они отлучили, то и мы отлучаемъ, пусть православная Великая Россія во всемъ будетъ согласна со Вселенскими Патріархами. „Едва ли можно согласиться съ бѣглымъ замѣчаніемъ Костомарова, что Никонъ сдѣлался борцомъ за независимость и верховность своей патріаршей власти въ силу логической необходимости, ради достиженія церковной обрядности. Прежде всего Никонъ, какъ показали мы, боролся за права Церкви, а не за права Патріарха; далѣе нѣтъ никакой связи между его церковнообрядовыми реформами, которыя онъ проводилъ съ поддержкой Царя, его духовника и другихъ архіереевъ, и его борьбой за права Церкви. Никонъ не вспоминалъ о своей церковнообрядовой реформѣ послѣ 1657 года въ своихъ письмахъ и сочиненіяхъ, а о правахъ Церкви писалъ, начиная со второй половины 1662 г., въ 1663 и 1664 годахъ въ „Раззореніи въ связи съ постановкой церковнаго судя по Уложенію и вмѣшательствомъ свѣтскаго правительства въ назначеніе церковныхъ должностныхъ лицъ въ Церкви. Въ церковнообрядовой реформѣ ему незачѣмъ было ограждать права Церкви отъ свѣтской власти, ибо въ этомъ онъ не только опирался на ея сочувствіе, но чуть ли не слѣдовалъ ея инициативѣ, какъ увѣряетъ Каптеревъ. Для проведенія же церковнообрядовыхъ реформъ въ нѣдрахъ Церкви онъ прибѣгалъ

къ авторитету Константинопольскаго Патріарха, къ которому обращался съ вопросами, и къ Соборамъ, гдѣ подробно изслѣдовался вопросъ и о потребности реформы и проводилась сама реформа, вновь обсуждалась и утверждалась. Статья Костомарова въ смыслѣ разработки фактовъ дѣятельности Никона устарѣла, а канонической оцѣнки дѣятельности Никона Костомаровъ не касается. Но онъ признаетъ его однимъ изъ самыхъ крупныхъ, могучихъ дѣятелей Русской Исторіи (ib. стр. 157).

Каптеревъ.

Также **Каптеревъ**, издавшій свое изслѣдованіе въ 1912 г. П т. „Патріархъ Никонъ и Царь Алексѣй Михайловичъ“, повторяетъ всѣ сужденія Лигарида о Никонѣ подкрѣпляя ихъ, какъ мы уже видѣли неоднократно, сужденіями однихъ его враговъ, продолжая то дѣло, которое дѣлалось на Соборахъ 1660 и 1666 г. по затуманиванію личности великаго Патріарха, несмотря на то, что литература въ лицѣ Николаевскаго и Пальмера вскрыла фактъ невѣрности свидѣтельскихъ показаній на Соборѣ 1660 г. объ обстоятельствахъ ухода Никона, а подкупность Собора 1666 г. показана самимъ проф. Каптеревымъ; сочиненіе Пальмера имъ совершенно оставлено внѣ разсмотрѣнія. Объясненіе жизни Никона, какъ непрерывнаго насыщенія властолюбіемъ, является совершенно недоказанной искусственной попыткой объяснить всѣ его дѣянія съ заранѣе принятымъ на вѣру отъ Лигарида фактомъ доказанности этого властолюбія. Но всѣ дѣйствія Никона вполне объясняемы иначе, именно, какъ вѣчное горѣніе о славѣ Русской Церкви и Русскаго Государства до полнаго самопожертвованія. И почему мы должны вѣрить Лигариду и всѣмъ врагамъ Никона и не стараться понять Никона такъ, какъ стремились понять его люди, не имѣвшіе желанія его очернить и не затуманившие догматомъ цезарепапизма, подобно Соловьеву и Каптереву, которые подъ этимъ угломъ оцѣнивали всѣ дѣянія Никона? Людей, подходящихъ къ Никону безъ предубѣжденія, мы встрѣтимъ частью и въ отечественной литературѣ, не говоря объ иностранной (какъ католической, такъ и протестантской), которая видитъ въ Никонѣ одного изъ величайшихъ людей, не только русской, но и міровой исторіи, безъ всякихъ обвиненій во властолюбіи, не соответствующемъ сану Патріарха.

Митрополитъ Макарій.

Митрополитъ Макарій, окончившій свой трудъ о Никонѣ передъ самой смертью, изслѣдовавшій дѣятельность Никона во время патріаршества и суда надъ нимъ, продолжаетъ, какъ бы по Соловьевской традиціи, говорить о властолюбіи Никона, но уже ограничиваетъ это положеніе констатированіемъ того факта, что Никонъ не выступалъ изъ предѣловъ по отношенію къ власти царской. Такъ на стр. 264 (т. 12) онъ говоритъ: „Никонъ помнилъ, что онъ подданный Государя, обращался къ нему, когда нужно, съ челобитіемъ и не обнаруживалъ прямо никакихъ чрезмѣрныхъ притязаній, когда все благопріятствовало его могуществу. Но обстоятельства измѣнились, когда онъ почувствовалъ себя въ царской опалѣ; тогда онъ уже не стѣснялся ничѣмъ, чтобы высказать свои притязанія во всей широтѣ и не полагалъ никакихъ границъ этимъ заносчивымъ притязаніямъ". Послѣднее невѣрно. Если бы Митрополитъ Макарій знакомъ былъ съ „Раззореніемъ Никона, то онъ увидѣлъ бы, что Никонъ проводитъ строгое различіе между порядкомъ свѣтскимъ и духовнымъ и каждому отдаетъ свою мѣру; изслѣдованіе жизни Патріарха Никона за періодъ послѣ его ухода изъ Москвы въ 1658 г. до суда надъ нимъ 1666 г. было дѣломъ Гюббенета; оно показываетъ, что въ это время Никона всячески преслѣдовали и провоцировали, и что Никонъ только защищался; если онъ въ гнѣвѣ иногда позволялъ себѣ рѣзкости въ отпорѣ, то онъ могли свидѣтельствовать только, какому испытанію подвергалось его терпѣніе, а вовсе ни о какихъ то его властолюбивыхъ замыслахъ. Мы разумѣемъ его разговоры съ посылавшимися къ нему въ Воскресенскій монастырь отъ Царя лицами. Митрополитъ Макарій говоритъ впрочемъ о гордости и властолюбіи Никона и въ періодъ его патріаршества: „Никонъ при всемъ умѣ не умѣлъ поставить себя на такой высотѣ, какъ слѣдовало бы по отношенію къ своему царственному другу, не умѣлъ сдерживать своей необузданной гордости и властолюбія и съ упорствомъ оставался вѣренъ тому началу, которое высказалъ еще при избраніи его на патріаршую кафедру, т. е., чтобы самъ Царь слушалъ его во всемъ, какъ Патріарха. Въ своей дружбѣ съ Царемъ Никонъ желалъ быть лицомъ господствующимъ и позволялъ себѣ такія вещи, которыя не могли не оскорблять Государя, и, повторяясь нерѣдко, неизбѣжно должны были вести къ столкновенію и размолвкамъ, взаимному охлажденію друзей и наконецъ привести къ разрыву. Чувство горечи де у Царя должно было быть и при избраніи Никона, когда ему пришлось пастъ

на землю". (Мак. XII 353-366 и 512-513). Известно, что Алексѣй Михайловичъ цѣловаль въ ногу Патріарха Іосифа, котораго лично не любилъ, изъ почтенія къ его сану, поэтому Никона нельзя винить въ такого же рода проявленіяхъ почитанія къ нему со стороны Царя. Ни откуда не видно, чтобы Никонъ третироваль Царя, а слова, приписываемыя Никону Нероновымъ, что „мнѣ де царская помощь не надобна, я на нее плюю и сморкаю“, которыя приводитъ Митрополитъ Макарій, исходятъ отъ врага Никона Неронова и не заслуживаютъ довѣрія, разъ они не имѣютъ подтвержденія изъ другихъ источниковъ. Никонъ выражался всегда совершенно прямо, безъ лести и независимо, не стѣснясь присутствія Царя и толпы, но это бывало, когда онъ выступаль, какъ защитникъ Церкви или ея установленій; на примѣръ, при бросаніи иконъ въ церкви латинскаго письма, или при проповѣдяхъ въ церкви, когда онъ властно проповѣдываль, какъ учитель, а Царь смиренно слушалъ, какъ выражается Павелъ Алеппскій. Впрочемъ самъ Митрополитъ Макарій говоритъ: „Какъ далеко ни простиралась власть Патріарха Никона, онъ никогда рѣзко не выступаль изъ предѣловъ по отношенію къ царской власти. Въ своихъ церковныхъ дѣлахъ онъ достигъ совершенной самостоятельности и независимости отъ мірскихъ властей и казался всѣмъ дѣйствительно верховнымъ архипастыремъ, полновластнымъ владыкой и главой управляемой имъ Церкви" (XII, 264). Никонъ и призванъ былъ быть ея главой, руководителемъ, но онъ всегда признавалъ въ церковной сферѣ надъ собой Соборъ епископовъ и другихъ Патріарховъ, а въ сферѣ свѣтской — Царя, причемъ въ послѣдней свою дѣятельность разсматриваль, какъ службу Царю для содѣйствія ему. Митрополитъ Макарій считаетъ, что Никонъ низложенъ за свое упорство, что онъ самовольно отказался отъ престола, въ надеждѣ, что Царь его будетъ умолять вернуться, сложилъ патріаршія отличія, свалилъ причину ухода на царскій гнѣвъ (XII, 319-321), но изслѣдованія проф. Николаевскаго, впервые въ русской литературѣ подвергшія сомнѣнію правильность свидѣтельскихъ показаній, на которыхъ основано было обвиненіе Никона въ уходѣ съ отреченіемъ отъ патріаршества съ клятвою не возвращаться на престоль, появились послѣ смерти Митрополита Макарія, а изслѣдованія Пальмера не были изучены Митрополитомъ Макаріемъ, хотя ихъ существованіе было ему извѣстно. Онъ упоминаетъ объ ихъ существованіи на 11 стр. XII тома; симпатіи его на судѣ не на сторонѣ Никона. Митрополитъ Макарій игнорируетъ вопросъ, на-

сколько отстаивание Никономъ правъ Церкви соответствовало ея правамъ, и самъ не высказывается опредѣленно отрицательно о цезарепапизмѣ; основной стимуль борьбы Никона противъ этого цезарепапизма остался для него въ сторонѣ, потому и сама борьба Никона могла ему казаться борьбой за личное господство, которая по-этому и могла казаться непривлекательной. Его суровость онъ расцѣниваетъ какъ то, что Никонъ не былъ выше своего вѣка (стр. 303), онъ приписываетъ ему надменность и высокомеріе въ обращеніи съ боярами и архіереями (стр. 305), Царь де не могъ переносить горделивыхъ притязаній Никона (стр. 309); Никону слѣдовало 10 іюля 1658 г. не уходить, а смириться, но Митрополитъ Макарій не нашель общей идеи Никонова служенія (вѣрность канонамъ), и потому его уходъ представлялся ему лишь актомъ, вызывавшимъ Царя на повтореніе слезной мольбы 1652 года. Онъ не считалъ достаточными причины Никона для ухода, а полагалъ, что Никонъ долженъ бить челомъ Царю, просить прощенія (стр. 722); дѣятельность Монастырскаго Приказа въ послѣдніе годы патріаршества Никона, фактъ нарушенія этимъ клятвы Царя и бояръ, прекращеніе упоминанія имени Никона послѣ ухода въ богослуженіи Митрополитомъ Пителимомъ оставленнымъ имъ мѣстоблюстителемъ, — все это игнорируется Митрополитомъ Макаріемъ очевидно потому, что съ цезарепапистской точки зрѣнія здѣсь и нѣтъ ничего страннаго. Неоднократно Митрополитъ Макарій цитируетъ Лигарида, какъ авторитетъ, (стр. 450, 452, 458-460) и тѣмъ вновь изобличаетъ источникъ, который былъ разсадникомъ убѣжденія и въ гордости, и въ властолюбіи Никона.

Каптеревъ.

Эту линію историковъ, осуждающихъ Никона за властолюбіе, простирающееся на восхищеніе на себя царской власти, оживилъ Каптеревъ въ упомянутомъ своемъ сочиненіи „Патріархъ Никонъ и Царь Алексѣй Михайловичъ“, изданномъ въ 1912 г. Тамъ не приведено никакихъ фактовъ изъ исторіи Никона, подтверждающихъ этотъ тезисъ и даже, какъ мы видѣли, не установлены точнѣе возрѣнія по вопросу объ отношеніи свѣтской и духовной власти, а совершенно произвольно освѣщена вся его дѣятельность съ точки зрѣнія будто бы преднамѣреннаго захвата власти. Однако необыкновенная прямота, откровенность, прямолинейность, несчитающаяся ни съ обстоятельствами, ни съ сильными міра сего, соединенная съ суровымъ

подвижническимъ образомъ его жизни, совершенно исключаетъ мысль объ этомъ. Вѣдь если бы не эти качества, Никонъ не ушелъ бы съ кафедры, ибо лично ему ничто не угрожало, и онъ могъ бы для сохраненія своего положенія примириться съ захватомъ церковной сферы Монастырскимъ Приказомъ, какъ послѣ него многіе помирились даже съ церковной реформой Петра; а, заявивъ объ уходѣ, могъ бы вернуться послѣ просьбы Царя, переданной черезъ Трубецкого — не уходить. Но Никона занимало не его положеніе, а его идея; напротивъ — по Каптереву у Никона на первомъ планѣ его положеніе. Каптеревъ не поставилъ даже и вопроса, насколько правъ былъ канонически и обязанъ Никонъ защищать права Церкви, не было ли среди этихъ правъ Церкви и такихъ, которыя онъ долженъ былъ защищать, не только какъ данныя Церкви государствомъ и осуществляемыя ею въ теченіе вѣковъ, но и какъ по существу присущія ей. Вѣдь, Монастырскій Приказъ не только судилъ духовенство по гражданскимъ дѣламъ, но на практикѣ властно вмѣшивался и въ назначеніе на духовныя должности. А послѣ ухода Никона свѣтская власть совершенно игнорировала наличие живого Патріарха, котораго сама признавала за такового (встрѣча Никона Царемъ съ синклитомъ лѣтомъ 1659 г.) и распоряжалась въ церковныхъ дѣлахъ совершенно произвольно. Насколько вообще правъ самъ Каптеревъ считать, что Царь черезъ Церковные Соборы призванъ также управлять Церковью, какъ управляетъ государствомъ черезъ государственныя учрежденія? Учить ли этому Церковь? Учатъ ли этому Святые Отцы Церкви? Учатъ ли этому православные канонисты, среди которыхъ изъ русскихъ мы можемъ назвать проф. Бердникова, Заозерскаго, Епископа Іоанна Смоленскаго, Прокошева, Остроумова, Барсова, Курсанова и др. Я не говорю о почти всей католической литературѣ, которая видитъ идею независимости и самостоятельности Церкви особо гарантированной въ своей Церкви учрежденіемъ папства, учрежденіемъ, съ нашей православной точки зрѣнія, хотя и не Божественнаго происхожденія, но созданнымъ вѣковой работой латинскаго генія. Развѣ, если исходить изъ протестантскаго ученія, гдѣ нѣтъ церковной іерархіи, какъ правотворящаго фактора, тогда можно не ставить вопроса о томъ, что компетентна творить сама церковная іерархія и что государственная власть. Если бы было изслѣдовано и выяснено право Церкви на то, что защищаль ради нея Никонъ, то можетъ быть, и не понадобилось бы создавать теорію объ его властолюбіи. Характерно, что всѣ, нами перечисленные ученые,

обвиняющіе Никона въ властолюбіи — Лигаридь, Щербатовъ, Татищевъ, Карамзинъ, Соловьевъ, Каптеревъ — откровенно цезарепаписты, Митрополитъ Макарій можетъ быть къ нимъ причислень, поскольку онъ, обвиняя Никона въ гордости, властолюбіи, вовсе не старается выяснить, правъ ли или неправъ канонически былъ Никонъ, ибо и онъ совершенно умалчиваетъ о той канонической катастрофѣ, которая происходила съ захватомъ государствомъ управленія церковнаго въ свои руки, особенно послѣ 1658 г., какъ будто это такъ и должно было быть и не вызывало права предстоятеля Церкви на протестъ. Засиліе государства надъ Русской Церковью въ теченіе XVIII и XIX вѣковъ не благопріятствовало постановкѣ вопроса, правъ ли былъ Никонъ отстаивать извѣстную долю церковной самостоятельности. Самое имя Никона не только было въ забвеніи, во даже намѣренно держалось въ этомъ забвеніи: напомнимъ, что была даже запрещена при Петрѣ I постройка церкви во имя преподобнаго Александра Свирскаго на мѣстѣ кончины Никона.

Ключевскій.

Ключевскій останавливается по преимуществу на психологической сторонѣ церковнообрядовыхъ реформъ Никона и послѣдствіяхъ отъ столкновенія преобразовательнаго движенія въ государствѣ и Церкви съ народно-психологическимъ значеніемъ церковнаго обряда и съ національнымъ взглядомъ на положеніе Русской Церкви въ христіанскомъ мірѣ. Онъ цѣнитъ духовную силу Никона, сумѣвшаго выработать и донести до патріаршаго престола ясную мысль о Церкви Вселенской и объ отношеніи къ ней Помѣстной Русской (Курсъ III т. 390); онъ не приписываетъ Никону убѣжденія въ душевредности старыхъ церковныхъ обрядовъ и въ исключительной душеспасительности новыхъ, ссылаясь на разрѣшеніе сугубой аллилуіи въ Успенскомъ соборѣ и разрѣшеніи Неронову служить и по старымъ книгамъ. Никонъ преслѣдовалъ не за обрядъ, а за противленіе церковной власти (III т. 396). Вопросъ же объ отношеніи Никона къ царской власти и патріаршей, Ключевскій не затронулъ. Лишь, касаясь вопросовъ уничтоженія препятствій успѣхамъ западнаго вліянія въ прекращеніи политической роли древне русскаго духовенства, онъ какъ бы принимаетъ на вѣру старое русское мнѣніе о Никонѣ, посѣянное боярской партіей о его покушеніи на царскую державу. Онъ пишетъ (III т. 410): „правлящія государственныя сферы были рѣшительнѣе. Здѣсь надолго запомнили, какъ глава церковной

ієрархіи хотѣль стать выше Царя, какъ онъ на Вселенскомъ судилищѣ 1666 г. срамилъ Московскаго носителя верховной власти, и, признавъ, что отъ этой ієрархіи кромѣ смуты ждать нечего, молчаливо, безъ словъ, общимъ настроеніемъ рѣшили предоставить ее самой себѣ, но до дѣятельнаго участія въ государственномъ управленіи не допускать". Ошибочность пониманія Никоновскихъ идей, которое приобрѣтается только изъ изученія подлинныхъ его сочиненій, не мѣшала Ключевскому дать интересный психологическій обликъ Никона съ точки зрѣнія наблюдателя его внѣшней дѣятельности, не вскрывающей однако тѣхъ основныхъ импульсовъ, которыми двигалась дѣятельность Никона: его глубокая церковность, аскетизмъ и стремленіе оцерковлять на своемъ пути все, къ чему онъ прикасался. По своей картинности она заслуживаетъ быть приведенной цѣликомъ (Курсъ III, 384): „Изъ русскихъ людей XVII вѣка я не знаю человѣка крупнѣе, своеобразнѣе Никона. Но его не поймешь сразу: это — довольно сложный характеръ и, прежде всего, характеръ очень неровный. Въ спокойное время, въ ежедневномъ обиходѣ, онъ былъ тяжелъ, капризенъ, вспыльчивъ и властолюбивъ, больше всего самолюбивъ". Но какъ бы опровергая самого себя, Ключевскій продолжаетъ: „Но это едва ли были его настоящія коренныя свойства. Онъ умѣлъ производить громадное нравственное впечатлѣніе, а самолюбивые люди на это неспособны. За ожесточеніе въ борьбѣ его считали злымъ; но его тяготила всякая вражда, и онъ легко прощалъ врагамъ, если замѣчалъ въ нихъ желаніе пойти ему навстрѣчу. Съ упрямыми врагами Никонъ былъ жестокъ. Но онъ забывалъ все при видѣ людскихъ слезъ и страданій; благотворительность, помощь слабому или больному ближнему была для него не столько долгомъ пастырскаго служенія, сколько безотчетнымъ влеченіемъ доброй природы". Жестокость съ врагами — качество преувеличенное, если припомнить, что послѣ Никона наказанія раскольниковъ доходили до сожженія, а при немъ не шли дальше тюрьмы и ссылки — наказаній слишкомъ обычныхъ при тогдашнихъ суровыхъ нравахъ. „По своимъ умственнымъ и нравственнымъ силамъ, продолжаетъ Ключевскій, Никонъ былъ большой дѣлецъ, желавшій и способный дѣлать большія дѣла, но только большія. Что умѣли дѣлать всѣ, то онъ дѣлалъ хуже всѣхъ; но онъ хотѣлъ и умѣлъ дѣлать то, за что не умѣлъ взяться никто, все равно, доброе ли то дѣло было или дурное. Его поведеніе въ 1650 г. съ Новгородскими бунтовщиками, которымъ онъ далъ себя избить, чтобы ихъ образумить, потомъ во время Московскаго мора 1654 г.,

когда онъ въ отсутствіи Царя вырвалъ изъ заразы его семью, обнаруживаетъ въ немъ рѣдкую отвагу и самообладаніе; но онъ легко терялся и выходилъ изъ себя отъ житейской мелочи, ежедневнаго вздора; минутное впечатлѣніе разрослось въ цѣлое настроеніе. Въ самыя трудныя минуты, имъ же самимъ себѣ созданныя и требовавшія полной работы мысли, онъ занимался пустяками и изъ-за пустяковъ готовъ былъ поднять большое шумное дѣло. Осужденный и сосланный въ Терапонтовъ монастырь, онъ получалъ отъ Царя гостинцы, и, когда разъ Царь прислалъ ему много хорошей рыбы, Никонъ обидѣлся и отвѣчалъ ему упрекомъ, зачѣмъ не прислали овощей, винограду въ патокѣ, яблочекъ. Въ добромъ настроеніи онъ былъ находчивъ и остроумень, но обиженный и раздраженный, терялъ всякій тактъ и причуды озлобленнаго воображенія принималъ за дѣйствительность. Въ заточеніи онъ принялся лѣчить больныхъ, но не утерпѣлъ, чтобы не кольнуть Царя своими цѣлительными чудесами, пославъ ему списокъ излѣченныхъ, а царскому посланцу сказывалъ, былъ де ему глаголь, „отнято де у тебя патріаршество, за то дана чаша лѣкарственная: „лѣчи болящихъ“. Никонъ принадлежалъ къ числу людей, которые переносятъ страшныя боли, но охаютъ и приходятъ въ отчаяніе отъ булавочнаго укола. У него была слабость, которой страдаютъ нерѣдко сильные, но мало выдержанные люди: онъ скучалъ покоемъ, не умѣлъ терпѣливо выжидать; ему постоянно была нужна тревога, увлеченіе, смѣлою ли мыслью, или широкимъ предпріятіемъ, даже просто хотя бы ссоры съ противнымъ человѣкомъ. Это словно парусъ, который въ бурю бываетъ самимъ собой, а въ затишьѣ треплется бесполезной тряпкой".

Послѣдняя характеристика основана на Соловьевскихъ матеріалахъ и никакъ не можетъ быть принята за отраженіе дѣйствительности. Никонъ не кололъ Царя указаніями на свои исцѣленія. Теперь они засвидѣтельствованы, какъ фактъ. Никонъ никогда не искалъ бурь, ибо ихъ слишкомъ много было вокругъ него и притомъ спеціально направленныхъ противъ него. Онъ никогда не оставался безъ дѣла, и потому не могъ трепаться бесполезной тряпкой. Если ему искусственно не дали сдѣлать всего того, что могъ сдѣлать этотъ великій человѣкъ положительнаго, то въ самомъ его бездѣйствіи и заточеніи было величайшее дѣло его жизни: борьба за независимость Церкви и протестъ противъ начинавшейся секуляризаціи государства цѣной самопожертвованія: страданіе и за свое ученіе и за обличеніе. Въ отрицательныхъ чертахъ, приписан-

ныхъ Ключевскимъ Никону, чувствуется искусственность и придуманность. Никоновская, будто бы, „нетерпѣливость“, „малая выдержанность“ окажутся совершенно чуждыми ему, если вспомнить грандіозность частью выполненныхъ и частью задуманныхъ реформъ среди столь неблагоприятной ему обстановки. Въ неизсякаемой и непрерывной напряженности Никона такіе мелкіе факты, какъ „обида по малу рукой“ провинившагося въ алтарь или пренебреженіе къ боярской спѣси ради приведенія къ смиренію, является тѣмъ же, чѣмъ щепки въ лѣсу, гдѣ идетъ рубка деревьевъ. Въ лицѣ Никона отразилась во всемъ своемъ могучемъ размахѣ старая русская церковная культура, покидавшаяся людьми, ведшими государство къ усвоенію иной культуры и иного міросозерцанія, гдѣ Церкви отводилось уже не значеніе учрежденія, указующаго конечныя цѣли самому государству, а вспомогательнаго государственнаго учрежденія, на ряду съ другими, съ которыми государство считается, лишь поскольку это нужно ради его собственной пользы, свободно понятой имъ самимъ безъ содѣйствія Церкви.

С. Ф. Платоновъ.

Также **С. Ф. Платоновъ** въ своемъ сокращенномъ курсѣ русской Исторіи (стр. 204 изд. 1917 г.) повторяетъ Соловьевскія сужденія. „Никонъ дѣйствовалъ властолюбиво и высокоомѣрно не только по своей энергичной и властной натурѣ, но и по своимъ взглядамъ на назначеніе церковной власти: „Священство выше царства“, говоритъ онъ: „священство отъ Бога, помазаніе же на царство отъ священства“. „Господь Богъ, когда сотворилъ землю, повелѣлъ двумъ свѣтиламъ свѣтити ей, солнцу и мѣсяцу, и черезъ нихъ показалъ намъ власть архіерейскую и царскую, солнцемъ власть архіерейскую, мѣсяцемъ царскую“; „въ вещахъ мірскихъ Царь и архіерей не выше одного“, „въ вещахъ же духовныхъ архіерей великій выше Царя“. Говоря такъ, Никонъ не могъ смотрѣть на себя иначе, какъ на „великаго Государя“ но притязанія Никона не имѣли почвы въ русскомъ быту, такъ какъ на Руси духовенство никогда не ставило себя выше Князей и Царей и не искало мірской власти и прямого воздѣйствія на государственныя дѣла. Поэтому Никонъ на нашелъ себѣ сочувствія не только въ свѣтскомъ обществѣ, но и въ духовенствѣ. Его стремленія къ особому возвышенію патріаршаго авторитета приписывали его личной гордости и заносчивости, и Соборъ согласно осудилъ Никона...“ Въ примѣчаніи онъ говоритъ, „что русскіе архіереи послѣ

осужденія Никона стали настаивать, чтобы Царь имѣлъ преимущество въ государственныхъ дѣлахъ, а Патріархъ — въ церковныхъ. На этомъ послѣ многихъ споровъ, и рѣшилъ Соборъ. Однако мнѣніе греческихъ іерарховъ о неправотѣ Никона и объ общемъ превосходствѣ царской власти надъ патріаршей было усвоено Московскими Государями и подготовило въ будущемъ полное подчиненіе Церкви государству". Мы слишкомъ долго разбирали ученіе Никона и для опроверженія этого сужденія о Никоновской теоріи пришлось бы его цѣликомъ повторить. Отмѣтимъ только, что одна цитата: „Въ вещахъ мірскихъ Царь и архіерей не выше одинъ другого" — неправильна, ибо именно Царь-то въ мірскихъ дѣлахъ и признавался Никономъ выше. Наименованіе „Великаго Государя" дано Никону, какъ онъ самъ говорилъ, за службу Царю, и потому совсѣмъ иной природы, чѣмъ думаетъ Платоновъ, выводящій его не изъ пожалованія Государя, а изъ самостоятельнаго будто выведенія этого титула изъ состава патріаршей власти. Возрѣнія Никона вытекаютъ изъ канонівъ и всей прежней до-Петровской исторіи Руси. Онъ не нашель сочувствія, ибо съ своимъ стремленіемъ къ святости былъ слишкомъ тяжелъ для духовенства и боярства. Но что мнѣніе греческихъ архіереевъ легло въ основу послѣдующаго построенія церковно государственныхъ постановленій, вопреки соборнымъ постановленіямъ, съ этимъ можно вполне соглашаться, съ той прибавкой, что инициаторомъ и вдохновителемъ этого мнѣнія, его проводникомъ, выразителемъ и праотцемъ былъ запрещенный Митрополитъ, католикъ Паисій Лигаридъ.

Но все же и въ Русской литературѣ мы находимъ другую линію отзывовъ о Никонѣ, совершенно противоположную, которые даютъ основу для другого сужденія объ его дѣлѣ, чѣмъ представленіе о непрерывномъ стремленіи къ власти, то удающемся (время его патріаршества), то неудачномъ (послѣ его ухода). Эти отзывы исходятъ прежде всего изъ круговъ, близкихъ Никону по духу и не загипнотизированныхъ современнымъ имъ неканоническимъ типомъ церковно-государственныхъ отношеній, построенныхъ по типу територіализма, взятаго изъ нѣмецкаго, шведскаго, голландскаго и англійскаго строя.

Шушеринъ.

Біографія, написанная клирикомъ **Шушеринымъ**, неотступно жившимъ при Никонѣ съ Новгородскаго періода его жизни до 30 ноября 1666 года, когда онъ былъ арестованъ, рисуетъ намъ Нико-

на въ совершенно иномъ свѣтѣ, чѣмъ официальные барды Императорскаго періода Русской исторіи. Клирикъ Шушеринъ простымъ языкомъ неученаго человѣка даетъ непосредственное описаніе его жизни и именно своей непосредственностью оно дышетъ правдивостью. Оно было написано въ 80-хъ годахъ XVII вѣка и не могло преслѣдовать никакихъ иныхъ цѣлей, кромѣ передачи потомству его жизнеописанія отъ клирика, пригрѣтаго въ качествѣ чтеца на склонѣ жизни почитательницей Никона царевной Татьяной Михайловной въ своей придворной церкви. Мы нѣсколько разъ его цитировали, и въ немъ Никонъ встаетъ передъ нами, какъ благочестивой жизни человѣкъ, искавшій прежде всего угожденія Богу и всѣ силы своей даровитой природы отдавшій Ему на служеніе. Его правила, исполненія котораго онъ требовалъ отъ другихъ — быть не по имени только христіаниномъ, а на дѣлѣ; онъ больше всего предъявлялъ требованій къ себѣ самому, и это выражалось и въ его настроеніи во всѣ періоды его жизни, и въ предметахъ его первоначальныхъ занятій по чтенію Св. Отцовъ, и въ его отношеніи къ человѣческому горю и страданіямъ, какъ духовнымъ такъ и физическимъ, и въ его ученіи о православной царской власти, и въ его ученіи о томъ положеніи, которое должна занимать въ государствѣ Церковь. Можно сказать, что жизнеописаніе Никона Шушеринымъ, не давая обилія фактовъ изъ дѣятельности Никона, а тѣмъ паче критическаго отношенія къ нимъ, даетъ однако основу для пониманія нравственнаго облика Никона, и черезъ это даетъ освѣщеніе главныхъ стимуловъ его дѣятельности. Естественно, что неизмѣнный спутникъ въ жизни Никона больше поможетъ разобраться въ его личности и дѣлахъ, чѣмъ иностранецъ, иновѣрецъ, растрига, отлученный отъ Церкви, содомистъ, авантюристъ, искатель наживы, фальсификаторъ документовъ, продавшійся придворно боярской партіи — Лигаридъ, увидѣвшійся впервые съ Никономъ въ іюлѣ 1663 г., а потомъ на судѣ, гдѣ молча принужденъ былъ выслушивать всю правду отъ Никона о себѣ самомъ. Жизнеописаніе, составленное Шушеринымъ похоже на жизнеописаніе святого, но безъ всякой стилизаціи, и оно послужило матеріаломъ для болѣе подробныхъ описаній, составленныхъ священникомъ Михайловскимъ въ 1863 году, съ подробнымъ исчисленіемъ всѣхъ заслугъ Никона передъ Русской Церковью и государствомъ. Въ смыслѣ благопріятномъ Никону написана и біографія его, составленная архимандритомъ Аполлосомъ, настоятелемъ Воскресенскаго монасты-

ря въ 1821-1837 году и изданная Воскресенскимъ монастыремъ („Начертаніе жизни Патріарха Никона. Москва". 1845).

О чудесахъ Никона.

Шушеринъ сообщилъ о томъ, что тѣло Никона было нетлѣнно 26 августа 1681 года, день его переодѣванія и погребенія, несмотря на то, что оно въ очень жаркую погоду слѣдовало въ теченіе 9 дней отъ 17 августа отъ Ярославля до Воскресенскаго монастыря (По изд. 1817 г. стр. 193). Записи объ его исцѣленіяхъ есть въ приложеніяхъ къ нѣкоторымъ спискамъ житія, составленнаго Шушеринымъ и имѣють заглавія „Дѣла Св. Никона Патріарха, паче же рещи чудеса врачевныя яже содѣяше живъ сый въ изгнаніи въ Оерапонтовомъ и Кирилловомъ монастырѣ". Въ одной рукописи Императорской Публичной Библіотеки насчитано 194 исцѣленія. У Николаевского въ его статьѣ въ „Христіанскомъ Чтеніи" за мартъ—апрѣль 1886 г. насчитано 132 исцѣленія (68 мужчинъ, 53 женщины и 11 младенцевъ). „Дѣла Св. Никона Патріарха", изданы изслѣдователемъ XVII вѣка времени Никона Бѣлокуровымъ (въ М. О. И. и Д. Р. 1887, I, 83—114), который использовалъ записи Воскресенскаго монастыря о чудесахъ при гробѣ Патріарха Никона (въ этомъ спискѣ отмѣчено 129 исцѣленій съ 1673—1676 г. и 5 случаевъ въ 1660, 1682, 1691, 1695 и 1705 г.). Нѣкоторые изъ нихъ описаны Колосовымъ (въ Ист. Вѣстн. 1880, II, 793—796).

Жизнеописаніе Никона по Шушерину.

Отъ Шушерина мы узнаемъ и главныя событія Никоновской жизни. Онъ родился въ крестьянской семьѣ села Вельдеминово около Нижняго Новгорода въ маѣ 1605 года и названъ Никитой по имени преподобнаго Никиты Переславскаго Чудотворца, празднуемаго 24 мая. Онъ рано потерялъ мать и испыталъ жестокое обращеніе отъ мачихи, 12 лѣтъ ушелъ изъ родительскаго дома въ монастырь Макарія Желтоводскаго, гдѣ его игумень благословилъ пребывать съ клириками и навязать Божественному Писанію, въ чемъ Никонъ былъ абсолютно исправенъ. Когда онъ подросъ, его отецъ и бабка хитростью выманили его изъ монастыря, и „скоро ихъ лишившись, Никонъ, по совѣту родственниковъ, женился, потомъ ушелъ въ село, гдѣ не было клирика, и тамъ сталъ сначала псаломщикомъ, а скоро и священникомъ, а потомъ перешелъ на священническое мѣсто въ Москву. Потерявъ 3 дѣтей, Никонъ уговорилъ жену уйти въ Алексѣевскій монастырь, а самъ ушелъ въ Анзерскій скитъ около

Соловецкаго монастыря, гдѣ и былъ постриженъ въ монахи и жилъ подъ руководствомъ преподобнаго Елеазара (1635-1640 г.). Уставъ Анзерскій былъ очень строгій: тамъ было только 12 братьевъ, жившихъ вдаль (2 поприща) другъ отъ друга, видѣвшихся между собою только на всенощныхъ въ субботу и на литургіяхъ въ воскресенье въ общей церкви. Питаніе было ягоды и овощи, подаваніе рыбой отъ рыболововъ и (3/4) три четверти муки на брата на лѣто. Никонъ клалъ по 1.000 поклоновъ ежедневно и прочитывалъ на ночь цѣлый псалтирь. Это житіе продолжалось года три, когда у Никона вышла со старцемъ Еліазаромъ ссора изъ-за того, что собранныя ими въ Москвѣ на постройку каменной церкви деньги старецъ медлилъ употреблять по назначенію, а изъ-за этихъ денегъ всѣ могли подвергнуться смерти отъ разбойниковъ. Старецъ сильно гнѣвался на Никона, и Никонъ ушелъ отъ гнѣва на материкъ въ Кожеозерскую пустынь (1640 г.). На морѣ его застигла буря въ лодкѣ, въ которой онъ былъ еще съ однимъ человѣкомъ. Буря пригнала его къ острову Кію, гдѣ онъ и водрузилъ деревянный крестъ; онъ далъ обѣтъ, если Богъ подастъ ему помощь, построить здѣсь монастырь, который и былъ построенъ, когда онъ сталъ Патріархомъ (Крестный). Отсюда онъ по утишеніи бури поѣхалъ (за 10 поприщъ) къ Онежскому устью и, выйдя на берегъ, пошелъ одинъ пѣшкомъ вверхъ по Онегѣ. Отдавъ свое послѣднее имущество — полуулавъ и канонникъ въ Кожеозерскій монастырь, Никонъ былъ принятъ въ число братіи. Желая продолжать тотъ же образъ подвига, какъ и въ Анзерскомъ скиту, Никонъ отпросился жить на островѣ на томъ же озерѣ, на берегу котораго былъ и Кожеозерскій монастырь. Это продолжалось пока живъ былъ игумень; послѣ же смерти игумена его братія умолила послѣ многихъ отказовъ стать игуменомъ. Посвятилъ его въ Новгородѣ Митрополитъ Авѣоній Новгородскій (1643 г.). Когда онъ по дѣламъ бывалъ въ Москвѣ, объ немъ узналъ Царь, и Патріархъ Іосифъ его посвятилъ въ архимандриты Новоспасскаго монастыря (1646 г.), а Царь велѣлъ каждую пятницу приходить къ нему на заутреню. Въ это время Никонъ прославился своими челобитными за несправедливо обиженныхъ.

О предсказаніяхъ Никону объ его будущемъ патріаршествѣ.

Черезъ три года онъ былъ посвященъ въ Митрополиты Новгородскіе, въ 1649 г. за старостью Митрополита Авѣонія, ушедшаго на покой. Характерно, что когда Никонъ отправился въ Хутынскій

монастырь получить отъ него благословеніе, тотъ категорически отказался первый дать благословеніе, пророчески назвавъ Никона Патріархомъ, и далъ его только тогда, когда Никонъ далъ первый (сообщается у Шушерина и Михайловскаго). Это было четвертое предсказаніе Никону о его патріаршествѣ. Первое, приведенное и въ исторіи преосвященнаго Макарія и у Шушерина, исходило отъ татарина волхва, когда Никонъ былъ отрокомъ и вышелъ изъ монастыря Желтоводскаго прощаться со сверстниками. Второе исходило отъ старца іерея Ананіи, жившаго въ Желтоводскомъ монастырѣ, когда Никону было 12 лѣтъ (у Михайловскаго) въ 1617 г. Впослѣдствіи этотъ старецъ, въ иночествѣ Антоній, былъ избранъ одновременно съ Никономъ въ Патріархи, а его сынъ Илларіонъ, будущій Митрополитъ Рязанскій, былъ врагомъ Никона. Въ третій разъ предсказаніе исходило отъ преп. Елеазара (сообщается у проф. Субботина въ „Опроверженіи раскольничьихъ клеветъ на п. Никона въ Приб. къ твор. Св. Отцовъ 1860 г. XIX) Именно въ написанномъ въ 1700—1705 г. житіи преподобнаго Елеазара (Пр. Соб. 1860 г., I) повѣствуется, что „сей прозорливый мужъ однажды, когда Никонъ совершалъ литургію, увидѣлъ на его челѣ омофоръ и тогда же предсказалъ ему святительскій санъ. Въ житіи этомъ говорится между прочимъ о Никонѣ „той чудень бысть въ житіи своемъ". Въ этомъ житіи говорится еще о написаніи чудотворной иконы Спасителя вслѣдствіе особеннаго откровенія преподобному Елеазару. Онъ продолжаетъ: „преславно здѣсь повѣдати и о друземъ образѣ Божественномъ, его же написа Св. Никонъ Патріархъ по повелѣнію препод. Елеазара, егда былъ ученикомъ его. Да и сему обряду чудится лѣпотствуеть, яко 60 ти и пяти лѣтомъ преминувшемъ уже и даже до днесъ (1700—1705 г.) Божественной силой обрѣтается невредимъ". Шушеринъ повѣствуетъ намъ и о враждѣ бояръ противъ Никона: „и убо предивно есть, яко на убрусѣ бѣше изображенъ и устроенъ надъ входомъ церковнымъ, со внѣшнюю страну отъ западу и на всякое время отъ жара солнечнаго попишаемъ и зноемъ и мразомъ и вихры и дождемъ и снѣгомъ изнуряемъ и цѣль пребываетъ, чудесно соблюдаемъ Божіей благодатью за угодшихъ ради преподобнаго Елеазара и ученика его." И, впослѣдствіи, будучи Патріархомъ, Никонъ хорошо относился къ преподобному Елеазару и помогалъ всячески деньгами и подарками для Церкви. Никонъ никогда не забывалъ добра, ему сдѣланнаго: Шушеринъ рассказываетъ, какъ отблагодарилъ Никонъ, будучи Митрополитомъ, и ту почтенную женщину, которая поручила

сыну перевезти его через рѣку, накормила его, когда онъ шель по берегу Онеги въ Кожеозерскій монастырь безъ ѣды и денегъ.

Павель Алеппскій.

Изъ жизнеописателей Никона — его современниковъ извѣстенъ еще дьяконъ Павель Алеппскій, который былъ почти два года 1654—1656 въ Россіи, а въ Москвѣ съ февраля 1655 до мая 1656 года, когда Никонъ былъ не только Патріархомъ, но и государственнымъ регентомъ. Изъ его описаній мы узнаемъ о необыкновенной неумоимости Никона въ пастырскихъ трудахъ, въ исполненіи церковнаго устава, о строгости къ духовенству, вызванномъ желаніемъ измѣнить его нравы — прекратить пьянство, о его государственныхъ трудахъ. Все описаніе дышитъ преклоненіемъ передъ личностью Никона и только въ немногихъ мѣстахъ, которыя, по изслѣдованію Пальмера (II, введ. 57, 58), вставлены во вторичный пріездъ Павла съ Патріархомъ Антиохійскимъ въ 1666 году, когда кругомъ была искусственно создана боярами атмосфера осужденія на Никона, слышатся, какъ отголосокъ ея, въ диссонансъ со всѣмъ сужденіемъ Павла о Никонѣ, замѣчанія объ его будто бы превозношеніяхъ надъ боярами.

Труды Шушерина и Павла Алеппскаго являются литературой мемуарнаго характера и наиболѣе драгоцѣнны въ качествѣ источника, "чего нельзя сказать о Паисіи Лигаридѣ, который Никона видѣлъ только на слѣдствіи въ іюль 1663 года и на судѣ 1666 г. въ обстановкѣ, нарочито враждебной, и писалъ и дѣйствовалъ подъ вліяніемъ своекорыстныхъ расчетовъ.

Н. А. А. Въ Ч. О. И. и Д. Р. 1848. 5

Въ литературѣ русской въ XIX вѣкѣ появляется рядъ писателей, которые все болѣе и болѣе признаютъ заслуги Никона и обвиняютъ въ его разрывѣ съ Царемъ бояръ. Такъ біографія Никона, помѣщенная въ Чтеніи М. О. И. и Д. Р. за 1848 г. № 5, подписанная Н. А. А., чужда всякихъ обвиненій Никона въ гордости и властолюбіи, говоритъ объ его пастырскихъ заботахъ и благотворительности, печалованіи за обиженныхъ, о посѣщеніи тюремъ, говоритъ объ его частыхъ отъѣздахъ въ 1657 г. по постройкѣ монастырей, облегчившихъ работу бояръ по отчужденію отъ него Царя; ненависть бояръ объясняется патріаршей строгостью и ихъ завистью къ титулу „Великаго Государя“; дѣлается указаніе, что Никонъ не уходилъ изъ Москвы съ клятвой не возвращаться на престоль, въ доказательство чего въ 1664 году взялъ съ собой посохъ изъ Успенскаго собора. Го-

ворится объ его постройкахъ и о подвижническомъ образѣ жизни. Не чувствуется здѣсь никакой искусственной натяжки, которой такъ дышетъ трудъ Каптерева, поставившій въ основу предполагаемое безграничное властолюбіе Никона. Чувствуется, что біографъ Н. А. А., говоря о Никонѣ, не вкладываетъ въ него идей, чуждыхъ всему укладу его жизни, и судьба Никона является слѣдствіемъ интригъ его враговъ, а не его какихъ-то выдуманныхъ „замаховъ“.

Митрополитъ Платонъ Левшинъ.

Еще у **Митрополита Платона**, жившаго въ началѣ XIX вѣка, хотя онъ не высказывается опредѣленно, право или неправо поступилъ судъ, осудя Никона, однако указывается, что истинныя вины его были не тѣ, которыя указаны въ судебномъ приговорѣ, а иныя: зависть придворныхъ вельможъ, завидовавшихъ благосклонности Царя къ Никону, а съ другой стороны горячій и неуступчивый нравъ Никона, который и при малой уступчивости могъ бы укротить гнѣвъ Царя. Митрополитъ Платонъ отмѣчаетъ, что Никонъ примѣчалъ нарушенія правъ церковныхъ и ихъ выговаривалъ Царю, чѣмъ и навлекалъ гнѣвъ. Нарушенія эти были въ созданіи Монастырскаго Приказа, въ отчужденіи у патріархіи имѣній, въ назначеніи властей духовныхъ по монастырямъ и священниковъ Царемъ безъ сношеній съ Патріархомъ (Церков. Ист. II, 237).

Щаповъ.

Щаповъ, писавшій въ 1859 г., подробнѣе развилъ вопросъ о боярскомъ участіи въ дѣлѣ Никона въ своей книгѣ „Русскій расколъ старообрядчества“. Онъ опредѣленно указываетъ, что Татищевъ, Голиковъ, Берхъ и другіе выставляютъ Никона мятежникомъ противъ царской власти, исключительно основываясь на неблагонамѣренномъ судѣ бояръ („доселѣ нераскрытомъ“), злобствовавшихъ на Никона за то, что Никонъ сдерживалъ ихъ произволь въ Боярской Думѣ, а Царь не только допускалъ это, но и звалъ его другомъ и именовалъ „великимъ Государемъ“. Они его и выставляли передъ Царемъ, какъ злоумышленника противъ царской власти, употребивъ 9 лѣтъ на его низверженіе. Никонъ представленъ строгимъ ревнителемъ правъ Русской Церкви, которую онъ считалъ попоранной непомѣрнымъ самоуправствомъ бояръ въ непринадлежащей имъ сферѣ церковнаго управленія черезъ Монастырскій Приказъ, откуда они распоряжались помимо Патріарха, иногда съ открытымъ намѣреніемъ его оскорбить, даже въ такихъ дѣлахъ, чисто церковныхъ, какъ поставленіе священ-

никовъ. Учрежденіе Монастырскаго Приказа стѣснило дѣйствія Патріаршаго Судебнаго Приказа и при злоупотребленіи боярь ввело безпорядокъ, который и былъ въ концѣ концовъ, едва ли не главной причиной паденія Никона и полнаго успѣха раскола. Шаповъ вообще придаетъ огромное значеніе въ паденіи Никона союзу Боярь съ расколоучителями, которымъ они облегчали дѣятельность ради общей цѣли — сверженія Никона. У князя Хованскаго жилъ Аввакумъ, у боярина Салтыкова ученикъ Аввакума расколоучитель Потемкинъ. Въ новомъ устройствѣ церковнаго управленія было сближеніе съ протестантскимъ управленіемъ Церковью, а Никонъ отстаивалъ древнее каноническое устройство Церкви. Никонъ дорожилъ больше честью Царя, чѣмъ бояре, которые не слушались его, какъ онъ писалъ Никону, а Никонъ всегда сохранялъ подобающее къ Царю уваженіе, даже въ гнѣвѣ. Онъ не проклиналъ Царя и въ 1664 г. принесъ ему миръ и благословеніе. „Никто, пишетъ Шаповъ, кромѣ боярь и ихъ единомышленниковъ, и не думалъ, что Никонъ возставалъ противъ власти Царя, который до конца жизни почиталъ Никона. Да, если бы Никонъ былъ опасенъ для царской власти, развѣ Царь Θεодоръ думалъ-бы возвести его на патріаршій престоль? Если бы онъ былъ опасенъ для царской власти, развѣ Царь Алексѣй Михайловичъ внялъ бы голосу Епифанія Славинецкаго и Полоцкаго Архимандрита Игнатія Іевливича въ 1660 г., когда онъ не осуществилъ постановленій Собора? Наконецъ Восточные Патріархи въ грамотѣ 1682 г. признавали не высокоомѣрное возстаніе Никона противъ царской власти, а только то, что онъ „человѣческимъ нѣкіемъ малодушіемъ и гнѣвомъ побѣжденъ бысть и оставъ паству свою и патріаршеское достоинство презрѣвъ, далеко отшедше, живе, не хотя возвратиться, которыхъ ради винъ явился тяжекъ и безпріютенъ бысть". Отношенія Никона къ Царю и боярамъ проистекали не изъ личнаго властолюбія, а изъ идей его о патріаршествѣ. „Вся вина Никона въ томъ, что онъ по сильной вспыльчивости сердца, раздраженнаго самоуправствомъ на боярь и по пламенной горячей ревности своей къ правамъ Церкви и къ достоинству высшей церковной власти, досадовалъ Царя за допущеніе боярь до необузданнаго самоуправства въ дѣлахъ Церкви и государства. Гнѣвался, хотъ и непростительно, но справедливо, ибо это — гнѣвъ пастыря, ревнующаго за права Церкви, незаконно нарушаемыя произволомъ боярь. Это не гнѣвъ злобы высокоомѣрной противъ Государя, а невольная досада души сильной, пламенной, уязвленной зломъ. Это не возстаніе под-

даннаго противъ Государя, а недовольство друга государева тѣмъ, что козни бояръ, вредныя Церкви и государству, охладили къ нему сердце Царя. Здѣсь только слабость великой души... Но, какъ подданный, Никонъ почиталъ Царя, молился за него и скорбѣлъ отъ гнѣва". „Удивительно ли, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, что Никонъ, этотъ истинно замѣчательный геній своего вѣка, свѣтоводитель, какъ называли его лучшіе просвѣщеннѣйшіе современники, *vir prudentia et auctoritate egregius*, какъ отзывались о немъ иностранные наблюдатели внутренней жизни Россіи во II половинѣ XVII вѣка, удивительно ли, что великій Никонъ долженъ былъ испытать и встрѣтить упорное противорѣчіе и противодѣйствіе со стороны остальныхъ отсталыхъ, запоздалыхъ ревнителей старины".

Архіепископъ Филаретъ Черниговскій

Также **Архіепископъ Филаретъ Черниговскій** (Ист. Русск. черниговскій. Церкви IV; 27 49 и 145, 149) обратилъ вниманіе на основаніи извѣстій Коллинса и Мейебера на значительное участіе бояръ въ разрывѣ Царя съ Патриархомъ и на негодованіе на Никона за исправленіе церковныхъ книгъ, которыя имѣли главное значеніе въ исходѣ борьбы.

Н. А. А. въ Правосл. собесѣд. 1860 г.

Статья въ Православномъ Собесѣдованіи за 1860 годъ за подписью Н. А. А. подвергла критикѣ самый судъ надъ Никономъ и указала на рядъ неправильностей на Соборѣ: 1) неправильное примѣненіе правилъ, 2) прибѣганіе къ частнымъ толкованіямъ правила, когда самое правило не давало основаній для обвиненія (III Вс. Соб., 9); 3) обвиненіе во вмѣшательствѣ въ гражданскія дѣла не изслѣдовалось вовсе на Соборѣ. Собственные же обычаи въ Россіи допускали это вмѣшательство и не осуждали его раньше, а въ данномъ случаѣ оно вызывалось просьбой Царя, и Никонъ разсматривалъ это, какъ временное порученіе. 4) Ругательства на Лигарида были справедливы. 5) Никона признали виновнымъ въ клеветѣ за обозваніе Церкви латинствующей, но онъ объяснилъ, что ея епископы принимаютъ свой начатокъ отъ Лигарида. 6) Обвиняли Никона за досажденіе Царю по 12 Ант. пр., но оно непримѣнимо, ибо тамъ предвидѣнъ лишь случай обращенія клирика къ Царю послѣ изверженія изъ сана. 7) Обвиненіе въ произволѣ по дѣлу Павла Коломенскаго неправильно, ибо Соборъ осудилъ всѣхъ противниковъ исправленія книгъ. 8) Никона обвиняли въ жестокости, но онъ не

видѣлъ грѣха въ наказаніи за нарушеніе церковнаго порядка. Судь не принялъ во вниманіе грубости нравовъ провинившихся и не слушавшихъ Патріарха. 9) Обвиненіе въ самовольномъ причисленіи Коломенской епархіи къ патріаршей области неправильно, ибо Никонъ сдѣлалъ это по согласію съ Царемъ. 10) Никона обвиняли за приписываніе вотчинъ къ Никоновскимъ монастырямъ безъ согласія съ архіереями, но онъ дѣлалъ это по согласію съ Царемъ и съ тѣмъ архіереемъ, котораго это касалось. 11) Его обвиняли въ томъ, что онъ вопреки седьмому пр. Двукр. Соб. строилъ монастыри, но правило это запрещаетъ строить монастыри съ разореніемъ для епархіи, и потому сюда не относилось. Вообще Соборъ разсматривалъ дѣянія Никона, оторвавъ ихъ отъ дѣйствительности, а значеніе его дѣлъ совершенно измѣнялось въ исторической постановкѣ; внутренняя сторона его актовъ совершенно оставлена безъ вниманія, и забыта главная мысль церковныхъ правилъ: вниманіе къ сущности дѣла и особая осторожность къ священному сану (1 Тим. 5, 19). Соборъ не изслѣдовалъ главнаго пункта мотива самовольнаго оставленія каѳедры. Обращали вниманіе на частные пункты, на которые никто не обратилъ бы вниманія, если бы не было главнаго обвиненія. Это былъ не судъ, обсуждавшій дѣло и примѣнявшій правила, а только обвиненіе въ актахъ, которыхъ нечего было и обсуждать, ибо они уже предварительно были осуждены; факты не разбирались, а подгонялись такъ, чтобы изъ принятыхъ началъ вынести готовое заключеніе. Судьи, по словамъ самого Никона, не посмѣли бы этого сдѣлать, если бы Царь этого не разрѣшилъ. Они не въ дѣло вникали, а старались угодить Царю. Что Никонъ не обвиненъ въ томъ, въ чемъ его обвиняли на судѣ, говорила и грамота Патріарховъ 1682 года о возстановленіи его въ патріаршемъ санѣ.

Николаевскій. Хр. Чт. 1883 г.

Проф. **Николаевскій** въ своей статьѣ „Объ обстоятельствахъ ухода Патріарха Никона" въ Хр. Чт. за 1883 г. доказалъ, какъ мы видѣли, что показанія главныхъ свидѣтелей ухода Патріарха Никона не подтверждаются другими свидѣтельствами, и явно тенденціозны и не могли приводить Соборъ къ заключенію, что Никонъ отрекся отъ патріаршества да еще съ клятвой, а между тѣмъ это сужденіе легло въ основу постановленій суда Собора 1666 г.

Субботинъ Н. И.

У насъ не было подъ рукой сочиненій **Субботина** „Дѣло Патріарха Никона" но, судя по цитатамъ, приведеннымъ у Пальмера и у проф. Иконникова, Субботинъ упрекнулъ Соловьева въ игнорированіи частныхъ матеріаловъ и выяснилъ непривлекательность роли Лигарида; кромѣ того, онъ призналъ неосновательность раскольничьихъ клеветъ на личныя качества Патріарха Никона, рассмотрѣнныя имъ въ статьѣ „Опроверженіе раскольничьихъ клеветъ на Патріарха Никона". Первое обвиненіе въ честолюбіи основано на простомъ фактѣ быстрыхъ повышеній Никона безъ рассмотрѣнія однако его монашескаго образа жизни; между тѣмъ жизнь его наполнена не только личными монашескими подвигами, но ознаменована устроеніемъ многихъ иноческихъ обителей съ заботой о внутреннемъ ихъ процвѣтаніи, что показываетъ, что онъ принялъ монашество не ради семейныхъ огорченій и расчетовъ честолюбія, а изъ искренней любви къ иночеству съ юношескихъ лѣтъ. Ссора съ преп. Елезаромъ вызвана не тѣмъ, что послѣдній усматривалъ въ Никонѣ врага Церкви, а тѣмъ, что его замѣчанія были, хоть и откровенны, но неумѣстны относительно медленнаго расходованія денегъ. Протопопъ **Аввакумъ** обвинялъ Никона, что онъ для полученія патріаршества много льстилъ изъ хитрости, чтобы привести въ исполненіе свои замыслы. Но достовѣрный источникъ говоритъ, что Никонъ дѣйствительно не только не употреблялъ происковъ для полученія этого сана, но, предвидя трудности, отказывался его принимать. Зная отношеніе Царя къ Никону въ это время, трудно думать, что кто-нибудь оказывалъ на него давленіе. Самъ Царь писалъ послѣ смерти Патріарха Іосифа Митрополиту Никону, когда тотъ былъ въ Соловкахъ за мощами Св. Филиппа, что будущаго Патріарха знаетъ только три человекъ: онъ, Казанскій Митрополитъ, да его отецъ духовный. Точно также во время своего патріаршества въ дѣлахъ чисто церковныхъ Никонъ, когда этого требовалъ канонъ и обычай, не дѣйствовалъ авторитарно самовластно, какъ показываетъ и дѣло исправленія книгъ и обрядовъ. Не говоря о томъ, что онъ осторожно и благоразумно не спѣшилъ и въ теченіе двухъ лѣтъ своего патріаршества не приступалъ къ этому дѣлу, хотя оно уже было задумано еще до его патріаршества Стефаномъ Вонифатьевымъ, онъ призывалъ къ этому и Царя, и Соборъ русскихъ архіереевъ, и даже представителей востока (на Соборѣ 1655 г. участвовали и Патріархъ Антиохійскій Макарій и Сербскій Митрополитъ Гавріиль); на Соборѣ

были разсмотрѣны средства исправленія и способъ и характеръ исполненія; здѣсь же произведенъ и опытъ исправленія: такъ Соборъ 1655 г. разсмотрѣлъ Служебникъ въ исправленномъ видѣ. Когда упрекають Никона, что будто онъ употребилъ на Соборѣ насиліе, и присутствовавшіе архіереи шли за нимъ по обольщенію или изъ страха, то это опровергается фактами. На Соборѣ 1654 г. Никонъ показаль несогласіе нашихъ книгъ съ греческими и спросилъ, какимъ слѣдовать, нашимъ-ли печатнымъ или греческимъ и славянскимъ, и Соборъ отвѣтилъ, что надо исправить по старымъ харатейнымъ и греческимъ. Никонъ подробно указываль на эти несогласія, въ чемъ заключаются отступленія отъ православной древности, и члены Собора заранѣе знали, въ чемъ будетъ исправленіе. Въ примѣръ отступленія, продолжаетъ проф. Субботинъ, Никонъ указаль на двуперстное крестное знаменіе, и Соборъ призналь, что надо исправить. Что давленіе Никона не было на Соборѣ 1654 г. видно изъ того, что съѣхавшіеся на Соборъ архіереи въ февралѣ 1666 года собственно-ручно засвидѣтельствовали, что признають Соборъ 1654 совершенно правильнымъ и законнымъ, дѣйствовавшимъ не по обману и принужденію, а въ согласіи съ Патріархами Восточными, и книги греческія вполнѣ православными. Имъ уже нечего было теперь бояться Никона, а Соборъ 1666 г., судившій Никона, ничего не говорилъ о томъ, чтобы Никонъ исправляль книги вопреки обѣщанію, данному на Соборѣ въ 1654 году; мало того, онъ опредѣлено настаиваль, что „Св. Никонъ Патріархъ исправленіе книгъ сотвори не собою, но по совѣту Св. Патріарховъ греческихъ и всего Россійскаго государства со архіереи и всѣмъ освященнымъ Соборомъ разсмотри и исправи со греческихъ и древнихъ славянскихъ книгъ". Также неправильно обвиненіе въ дѣйствіяхъ Никона по отношенію къ Собору 1655 г. и къ архіереямъ, страхомъ и насиліемъ напуганнымъ будто бы опалой на епископа Павла Коломенскаго, причемъ указывается жертвами насилія Новгородскій Митрополитъ Макарій, архіепископъ Вологодскій Маркель и епископъ Вятскій Александръ. Когда противъ Никона представляли обвиненіе въ 1666 г., едва ли бы опустили и это, ибо эти обвиненія были бы болѣе тяжкими, чѣмъ обвиненія въ осужденіи Павла Коломенскаго, которое было одобрено грамотой Константинопольскаго Патріарха Паисія, и самъ Никонъ сообщаль Патріарху Паисію только о противленіи епископа Павла и протопopa Ивана Неронова. Раскольничьи писатели представляютъ совершенно невѣрно соборныя распоряженія личнымъ дѣломъ Никона, какъ и

Каптеревъ неправильно выставляетъ личнымъ дѣломъ его борьбу за права Церкви. Также на Соборѣ 1656 г. тщательно разсматривалась книга „Скрижаль“, объяснявшая всѣ богослужебныя чины, и Большой Соборъ 1666 года заповѣдалъ ее имѣть въ „великой чести“. О самомъ Никонѣ проф. Субботинъ отзывался такъ: „Всѣ (даже и враги) согласны, что Никонъ, хотя по рожденію принадлежалъ къ простому классу народа, обладалъ необыкновенными природными способностями и развилъ ихъ прилежнымъ чтеніемъ, въ которомъ упражнялся съ самыхъ юныхъ лѣтъ, чему способствовала жизнь его въ монастырѣ; его сочиненія показываютъ, что онъ хорошо зналъ Священное Писаніе и близко знакомъ былъ съ отеческими твореніями, вообще обладалъ начитанностью, а письма его къ Алексѣю Михайловичу показываютъ, какимъ яснымъ и сильнымъ языкомъ онъ умѣлъ выражаться“. Нельзя разсматривать и дѣйствія Никона противъ расколоучителей, какъ выраженіе мести за противленіе себѣ, ибо даже послѣ Никона, когда кары на раскольниковъ усилились и качественно и количественно, карѣ подвергались по законамъ Уложенія только тѣ раскольники, которые виновны были въ открытомъ и упорномъ мятежѣ противъ государства и Церкви, или произносили слишкомъ рѣзкія хулы на святыни Православія. Никонъ же тѣмъ болѣе дѣйствовалъ наказаніями лишь въ отношеніи къ возмутителямъ церковнаго и гражданскаго спокойствія и дѣйствовалъ лишь обычными тогда мѣрами воздѣйствія, а за обиды въ отношеніи лично себя быстро и легко прощалъ.

Самыя наказанія при немъ были мягче, чѣмъ послѣ; сожиганій отъ него не было, и обычнымъ наказаніемъ была ссылка расколоучителей во избѣжаніе пропаганды. Объ этомъ осталось свидѣтельство самаго Аввакума: „Никониане де съ нимъ поступили пуще отца своего Никона“. Аввакумъ ополчился на Никона за его вліяніе на Царя въ дѣлѣ церковнообрядовой реформы и ошибочно приписывалъ ее Никону, тогда какъ идея ея исходила по преимуществу отъ Царя и Стефана Вонифатіева. Онъ говорилъ такъ: „умъ отнялъ (Никонъ) у милого, (Царя) у нынѣшняго, какъ близъ его былъ. Я, вѣдь, тогда тутъ былъ, все вѣдаю. Всему тому виною сваха Анна Ртищева съ дьяволомъ“. Протоіерей Муромскій Логгинъ дерзновенно укрѣплялъ народъ стоять твердо въ древнемъ благочестіи и Никоновскихъ новинъ не принимать. Онъ за то, что убѣждалъ народъ не повиноваться церковной власти, и былъ лишенъ сана; когда послѣдній разъ передъ его разстриженіемъ Никонъ въ Успенскомъ соборѣ его склонялъ къ

покаянію, онъ въ лицо злословилъ Патріарха и позволялъ безчинства при Царѣ и народѣ. Онъ по царскому указу сосланъ въ Муромъ, гдѣ и умеръ. Никонъ законно лишилъ сана и протопопа Даніила, ибо соборное опредѣленіе 1656 г. говорило: „аще кто отселѣ въдыи не подчинится творити крестное изображеніе на лицѣ своемъ тремя первыми великими перстами десной руки, сего имама всячески отлучена отъ Церковь". Аввакумъ вмѣстѣ съ Даніиломъ подавалъ жалобу Царю съ хулой на троеперстіе; онъ возстанавливалъ жителей Москвы противъ распоряженія Никона, ходилъ въ Казанскій соборъ учить народъ, пользуясь дружбой Неронова. Его осудили за противленіе Патріарху и распространеніе мятежа. Всѣ увѣщанія въ Андроніевомъ монастырѣ, куда его посадили, и на патріаршемъ дворѣ, были напрасны; Патріархъ опредѣлилъ его лишити священства, но, благодаря заступничеству Царицы Маріи Ильинишны, его только сослали въ Тобольскъ, а послѣ за пропаганду на Лену, откуда онъ возвращень былъ послѣ ухода Патріарха Никона въ Воскресенскій монастырь. Жизнь Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ была рядомъ тяжелыхъ испытаній въ виду непрерывныхъ стремленій бояръ ему досадить всѣми способами. Проф. Субботинъ обратилъ вниманіе на тѣ способы, которыми бояре всячески препятствовали въ возможности Царю и Никону найти способы договориться другъ съ другомъ. Зная доврчивый характеръ Царя и овладѣвъ имъ до того, что онъ не имѣлъ уже силы выйти изъ-подъ вліянія, они не допустили его до личныхъ объясненій съ Патріархомъ; это высказалъ самъ Царь въ разговорѣ съ Нащокинымъ и Матвѣевымъ, говоря, что Никону удобнѣе дѣйствовать въ пользу примиренія: „бояре всѣ приводятъ меня на ярость, только избави Боже меня отъ того; а ему одному лучше меня, что хочеть, то и дѣлаеть въ помыслѣ своемъ, не по силѣ. Бояре не допускали личныхъ переговоровъ Никона съ Царемъ. Когда Никонъ жаловался Царю на обиду отъ Хитрово его посланному, Царь обѣщаль самъ съ нимъ увидѣться, но бояре не допустили его даже къ выходу 8 и 10 іюля. Бояре въ искаженномъ видѣ передавали Царю слова и дѣйствія Никона. „Елико речено нами смиренно, жалуется Никонъ въ письмѣ Царю, се повѣдано гордо и елико благохвально, се сказано хульно и таковыми лживыми словеси возвеличенъ гнѣвъ твой". Что касается Никона, то они, зная его горячность и прямоту, оскорбляли его какъ бы отъ имени Царя, и тѣмъ вызывали его на рѣзкія слова, которыя тотчасъ передавались Царю въ утрированномъ видѣ. Слова, сказанныя въ пылу спора Никономъ, не могутъ быть,

конечно, основой для сужденія объ его взглядахъ, но враги Никона ничто не упускали, чтобы использовать свое положеніе, какъ посланцевъ Царя, чтобы сильнѣе задѣть Никона, который долженъ былъ испытывать горечь обиды какъ бы отъ самого Царя, къ которымъ былъ раньше въ интимной дружбѣ. Субботинъ обращаетъ вниманіе, что 10 іюля 1658 г. Ромадановскій, сообщая о неприбытіи Царя къ литургіи, грубо упрекалъ Никона въ незаконномъ вмѣшателствѣ въ государственныя дѣла, въ самовольномъ присвоеніи титула, „великаго Государя," что Царь его впредь почитать не будетъ. А Трубецкой, присланный послѣ обѣдни просить остаться Никона, не могъ имѣть порученія оскорбить Патріарха и утвердить его въ намѣреніи покинуть Москву. Трубецкой въ своемъ показаніи умолчалъ о тѣхъ оскорбительныхъ словахъ, о которыхъ пишетъ Никонъ въ посланіи къ Патріарху Діонисію. Трубецкому надо было сдѣлать видъ, что вѣрно исполненное приказаніе Царя не достигло цѣли по винѣ Патріарха.

Послѣ ухода Никона бояре пользовались случаемъ говорить Никону оскорбленія; въ 1664 г., когда Никонъ пріѣхалъ въ Москву, они не допустили его до Царя: Никонъ въ свою очередь жаловался Царю, уже послѣ ухода, на обращеніе съ нимъ, между прочимъ на то, что его письма въ патріаршемъ дворѣ вскрываются, осматриваются бумаги. Никонъ съ горечью писалъ объ этомъ: „Дивлюсь и о семъ, какъ вскорѣ въ такое дерзновеніе пришелъ еси, иже иногда страшился еси на простыхъ церковныхъ причетниковъ судъ наносити, якоже и святыя законы не повелѣвають; нынѣ же всего міра иногда бывше аки пастыря восхотѣлъ грѣхи и таинства видѣти... Убойся глаголюща: еже себѣ не хочещи инымъ не твори: хочещи ли да твои таинства не по волѣ твоей, видѣти стануть человекѣци?" Царь въ свою очередь также обижался. Трудно было Никону сносить обиды духовенства, которое онъ считалъ себѣ подчиненнымъ. На слѣдствіи въ іюль 1663 г. Никонъ отвѣчалъ слѣдователямъ очень неспокойно, и объясненіе было очень бурное. Кричали, по выраженію доклада бояръ, „очень много". Проф. Субботинъ обвиняетъ Никона въ горячности и рѣзкости сужденій высказанныхъ противъ Царя, бояръ, церковныхъ властей, даже за оставленіе кафедръ, совершенное будто бы тоже сгоряча, но не видно, чтобы проф. Субботинъ указалъ, что же было надо дѣлать Никону для сохраненія каноническаго управленія въ Церкви. Онъ пишетъ: „Въ такомъ состояніи духа (горячности) онъ допускалъ дѣйствія, за которыя главнымъ образомъ и осудилъ его Соборъ, именно самовольно оставилъ кафедру, писалъ Патріарху

Діонісію жалобу на Царя, и досаждалъ ему рѣзкими письмами, называлъ Лигарида еретикомъ, предавалъ проклятiю архіереевъ и боярь. Эти именно поступки исчислены, какъ главныя вины Патріарха Никона, въ соборномъ опредѣленіи, найденномъ Митрополитомъ Платономъ, которое онъ справедливо называлъ подлиннымъ соборнымъ опредѣленіемъ, ибо въ немъ приведены и самыя правила, на основаніи которыхъ Соборъ поставилъ сіи поступки въ вину Патріарху Никону".

Но мы видѣли, что Никонъ былъ совершенно правъ въ своихъ сужденіяхъ, по существу, а за горячность и рѣзкость можно ли обвинять, когда его искусственно изолировали, потомъ арестовали, заставляли думать, что его преслѣдуетъ и Царь столько же сколько бояре!... Субботинъ не оправдываетъ Никона за эти поступки и говоритъ, что Никонъ не показалъ архіерейской кротости, но объясняетъ это болѣзненнымъ состояніемъ его души, которая столь была уязвлена, и пылкостью его характера искусственно воспламеняемой боярами въ теченіе 8 лѣтъ. Но и онъ соглашается, что по этому патологическому состоянію, до котораго довели Никона его враги, нельзя судить объ его характерѣ, который онъ имѣлъ до расхожденія съ Царемъ. Даже Соборъ 1666 г. строго различалъ между поведеніемъ Никона во время расхожденія съ Царемъ и его дѣйствіями по исправленію книгъ и обрядовъ. Однако и въ дѣйствіяхъ Никона во время расхожденія съ Царемъ, добавимъ мы, надо различать обдуманно написанныя его сочиненія, въ которыхъ онъ говорилъ о защищаемыхъ имъ принципахъ, и продуманныя дѣйствія, отъ тѣхъ случайныхъ формъ, въ которыя облеклись эти выраженія и дѣйствія въ разговорахъ съ лицами, нравственное ничтожество которыхъ Никонъ понималъ, но въ то же время принужденъ былъ видѣть въ „ихъ людей, вліявшихъ на судьбу его дѣла, и его самого, какъ Патріарха. Недаромъ и грамота Восточныхъ Патріарховъ 1682 г. признаетъ съ одной стороны, что Никонъ былъ „хранитель вѣры и канонъ преискуснѣйшій" и „лишь какъ человѣкъ поддавался иногда унынiю". Субботинъ обратилъ вниманіе на узость взглядовъ русской іерархіи, современной Никону, тяготившейся только его строгостью и проглядѣвшей принципiальную важность его дѣла для Русской Церкви. „Когда судьба Патріарха Никона была рѣшена, когда этотъ всемогущій человѣкъ, котораго всѣ такъ боялись, сошелъ со сцены, тогда нѣкоторые изъ властей русскихъ взглянули на совершившееся спокойно, и, къ крайнему огорченію своему, увидѣли, что, дѣйствуя

такъ упорно противъ Никона, они дѣйствовали противъ самихъ себя, что въ дѣлѣ Никона съ Алексѣемъ Михайловичемъ рѣшался очень близкій къ нимъ вопросъ — вопросъ о сравнительномъ превосходствѣ властей царской и гражданской, увидѣли, что съ паденіемъ Никона, восторжествовало это послѣднее, и что отъ этого можно ожидать въ будущемъ многихъ неблагопріятныхъ послѣдствій для Церкви..., и они рѣшились поискать средствъ исправить какъ нибудь свою ошибку: стали просить, чтобы точнѣе были опредѣлены взаимныя границы власти гражданской и церковной". Границы то теоретически опредѣлили, но фактъ паденія Никона оказался сильнѣе теоретическихъ опредѣленій и далъ толчекъ, изъ котораго родилась послѣ церковная реформа Петра I. Проф. Субботинъ указаль на отсутствіе въ Никоновской дѣятельности стремленія къ власти и къ единовластію въ церковныхъ дѣлахъ.

Гюббенеть.

Огромную услугу въ уясненіи дѣла оказалъ **Гюббенеть**. Послѣдній изслѣдуетъ жизнь Никона за періодъ 1658—1666 г., оперируя съ официальными документами, какъ и Соловьевъ, но онъ не раздѣляетъ мнѣніе Соловьева о властолюбіи Никона, исправляетъ его официальные источники, въ которыхъ много пропущено или не такъ передано. Напримѣръ, пропущено очень важное всенародное объявленіе Никона 10 іюля 1658 г. съ амвона объ его уходѣ отъ царскаго гнѣва, объясняющее дѣйствительныя причины ухода (Гюбб. I, I гл.). У Соловьева изъ разговора пріѣхавшаго къ Никону въ Воскресенскій монастырь дьяка Башмакова выпущено все обнаруживавшее, что у Никона въ Москвѣ было много сторонниковъ, что сочувствіе ему преслѣдовалось, что у Никона выпытывали, кто его посѣщаетъ; Соловьевъ придалъ посылкѣ Башмакова другое значеніе, будто бы по поводу посѣщенія Никона пѣвчими дьяками, между тѣмъ какъ Башмаковъ былъ 17 мая 1659 г. у Никона, а эти дьяки лишь 2 іюля 1659 г. Соловьевъ изъ сего разговора привелъ только бесѣду о должномъ почитаніи Никона со стороны духовенства, какъ будто съ нарочитой цѣлью указать на его честолюбіе, а между тѣмъ изъ контекста выясняется, что Никонъ объяснилъ, почему должны были бы духовныя лица посѣщать его, именно что онъ не оставлялъ патріаршества (т. I гл. 2). Такъ же благодаря краткости извлеченій изъ письма Зюзина къ Никону отъ 3. II. 1660 г. смыслъ его мѣняется. Соловьевъ говоритъ, что Никонъ писалъ: „Когда вѣра Евангельская

начала сіять, тогда и архіерейство почиталось; когда же злоба гордости распространилась, то и архіерейская честь измѣнилась". Но Никонъ писалъ и о царствахъ, что они гибнуть при безчестіи и процвѣтають при благочестіи (I, 3 гл.). Соловьевъ неправильно сказалъ, что всѣ показанія объ уходѣ были согласны въ томъ, что онъ отъ патріаршества отрекся и обѣщаль впредь имъ не быть, ибо въ дѣйствительности свидѣтели показывали не одинаково, и даже не всѣ говорили, что Никонъ обѣщаль не быть на патріаршемъ престолѣ. Гюббенеть указываетъ, на основаніи сличенія сказокъ, что Трубецкой умолчалъ о Никоновскихъ словахъ о гнѣвѣ Царя и, вопреки показаніямъ другихъ, показывалъ, будто Никонъ утверждалъ, что гнѣва Царя не было, а это было невѣрно, ибо въ тотъ же день еще, нѣсколькими часами раньше Ромодановскій сказалъ Никону, что Царь на него гнѣвается. Гюббенеть указалъ, что Соловьевъ невѣрно понялъ Лигарида, говоря о немъ только, какъ о самомъ образованномъ и самомъ представительномъ изъ греческихъ духовныхъ лицъ. Соловьевъ неправильно считаетъ его примирителемъ, попытка котораго не удалась, что будто бы онъ первый написалъ письмо Никону 12 іюня 1662 г., уговаривая его возвратиться на патріаршество. Гюббенеть указалъ на подозрительное въ каноническомъ отношеніи положеніе Лигарида, на то, что вышеупомянутое письмо его было лишь отвѣтомъ Никону, что никакимъ примиреніемъ онъ не занимался, а сразу понялъ, что выгоднѣе ему быть на сторонѣ враговъ Никона, чѣмъ на сторонѣ гонимаго Никона (I, гл. 5). Благодаря смѣшенію разныхъ документовъ Соловьевъ упустилъ изъ виду попытку Никона поѣхать въ Москву и переговорить съ Царемъ, сдѣланную 28 декабря 1662 года, отнеся ошибочно документы, относящіеся къ ней, къ другой поѣздкѣ 19 декабря 1664 года (I, гл. 6). Гюббенеть обратилъ вниманіе, что Соловьевъ не цитируетъ тѣхъ частей Никоновскихъ писемъ къ Царю, гдѣ выражается смиреніе, покорность Никона, и всегда цитируетъ, гдѣ Никонъ рѣзокъ, напримѣръ по Боборыкинскому дѣлу (Сол. XI, 272-275) или говорится о правахъ его, причемъ, добавимъ, что говорится вѣдь, обычно больше о правахъ Церкви вообще, а не Патріарха спеціально. Соловьевъ неправильно опредѣлили дѣйствія греческихъ архіереевъ на Соборѣ 1660 г., будто они подтвердили приговоръ русскихъ, а Царь велѣлъ его утвердить. Напротивъ, греки, хотя и признавали виновнымъ Никона въ оставленіи престола, отнеслись къ нему съ сочувствіемъ и предлагали въ своихъ докладныхъ запискахъ оказать ему заслуженное по его благочестію

снисхожденіе и представили два разныхъ приговора въ строгомъ и снисходительномъ смыслѣ. Соловьевъ приписываетъ Никону слова, будто бы сказанныя Одоевскому въ іюлѣ 1663 г. „Дайте мнѣ только дождаться Собора, я великаго Государя отлучу отъ христіанства, уже у меня и грамоты заготовлены". Но въ донесеніи Одоевского, по которому описываются въ Исторіи объясненія Никона на вопросы посланныхъ къ нему для допроса, о грамотѣ не говорится, а сказано: „И на письмѣ у меня изготовлено". На письмѣ же было изготовлено то „Раззореніе", которое говорило о томъ, что Царь поступаетъ не такъ, какъ подобаешь православному Царю (II, 4 гл.). Взятые примѣры исправленій, сдѣланныхъ Гюббенетомъ въ описаніи Соловьева, показали, что въ основу оцѣнки Никоновской дѣятельности надо положить дѣйствительные факты. Въ результатѣ этихъ дополненій и измѣненій Никонъ оказывается человѣкомъ добрымъ, даже благодушнымъ, но строгимъ администраторомъ. Причина его паденія въ боярской интригѣ. Гюббенеть пролилъ свѣтъ на боярскія козни за время пребыванія Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ, до него не разъясненные, но онъ не ставилъ себѣ задачей уяснить основную идеологію Никона.

Пальмеръ. „The patriarch and the tsar".

Выясненію послѣдней задачи болѣе всего содѣйствовали **Пальмеръ**, который тщательно прослѣдилъ самое судебное дѣло Никона и старался вникнуть въ каждое объясненіе Никона на судѣ и въ его каноническую предпосылку. На ряду съ этимъ, такъ какъ Пальмеръ исходилъ изъ воззрѣній самого Никона, помѣщенныхъ въ „Раззореніи", то для него уяснена была основная противоположность цезарепапистскаго воззрѣнія бояръ и точки зрѣнія Никона на взаимоотношенія Церкви и государства. Трудъ Пальмера нами постоянно цитировался. Основой Пальмеру для жизнеописанія Никона служилъ Шушеринъ, Павелъ Алеппскій и священникъ Михайловскій, которыхъ онъ приводитъ иногда цѣликомъ, цѣлыми главами, а иногда въ сокращеніи, Пальмеръ детально разработалъ подготовку правительства къ суду надъ Никономъ, особенно въ дѣлѣ постановки вопросовъ Патріархамъ и ихъ отвѣтовъ и самое судебное дѣло въ 1660 и 1666 г., а также переговоры съ Никономъ объ отреченіи Никона въ 1665 г. Приложенныя имъ показанія свидѣтелей вмѣстѣ съ рѣчью Никона 10 іюля 1658 г. въ Успенскомъ соборѣ проливаютъ на все дѣло Никона иное освѣщеніе, которое въ свѣтѣ высказанныхъ самимъ Нико-

номъ воззрѣній въ „Раззореніи" видоизмѣняютъ и фактическую сторону дѣла и понятіе о мнѣніяхъ и ученіи самага Никона¹.

Николаевскій. „Жизнь Никона въ ссылкѣ".

Конецъ жизни Никона въ ссылкѣ описанъ у профессора Николаевскаго въ его статьѣ въ Хр. Чт. за 1866 годъ (Онъ же описалъ путешествіе Никона въ Соловецкій монастырь за мощами Св. Филиппа въ Хр. Чт. за 1885 г.) и у Успенскаго въ журналѣ „Странникъ" за 1899 годъ. Они дали намъ факты, которые проливали свѣтъ на уясненіе отношенія Патріарха Никона къ Царю Алексѣю Михайловичу, какъ къ Царю и какъ къ человѣку, и тѣмъ способствовали уясненію общихъ взглядовъ Патріарха Никона на царскую власть и на патріаршую, поскольку здѣсь затрагивались его взгляды на свои обязанности и свое каноническое положеніе.

Среди иностранцевъ, оставившихъ свое сужденіе о Никонѣ, надо различать лицъ, бывшихъ при Московскомъ дворѣ вскорѣ послѣ Никона и знавшихъ о немъ по слухамъ въ окружающей средѣ, а затѣмъ иностранныхъ ученыхъ.

Бар. Мейерберъ.

Баронъ Мейерберъ (V. ар. 14), прибывшій въ Москву 25 мая 1661 г., когда Никонъ ушелъ въ Воскресенскій монастырь, пишетъ: „Всероссійскій Патріархъ Никонъ теперь въ немилости и не живетъ въ Москвѣ; въ прошлое время уваженіе Царя и довѣріе къ Никону были такъ велики, что онъ казался всемогущимъ, но превратностями придворной жизни потерялъ царскую милость; онъ ушелъ въ Воскресенскъ, гдѣ онъ живетъ, скрывшись въ монастырѣ, безъ какой-либо надежды вернуться, но съ настроеніемъ бодрымъ и не упавшимъ". Онъ указываетъ далѣе на источникъ своего освѣдомленія (дворъ). „О причинахъ его паденія существуютъ разные толки. Наиболѣе вѣроятное объясненіе у тѣхъ, кто приписываетъ его паденіе страсти нововведеній и его неугодному настроенію, которымъ онъ вовлекъ Россію въ войну сначала съ Польшей, и затѣмъ съ Швеціей. Однако въ вопросахъ, посланныхъ о немъ въ 1663 году въ Константинополь, ничего не сказано о вовлеченіи имъ въ войну, но только о его попыткахъ поставить границы вмѣшательству царской власти въ духовныя дѣла, о неодобреніи имъ Уложенія 1649 г. и о другихъ дѣлахъ, связанныхъ съ этими, или съ исключительнымъ положеніемъ, вліяніемъ

¹ Пальмеръ цѣликомъ напечаталъ „Раззореніе", занявшее цѣлый I томъ его сочиненія „The patriarch and the tsar", а „Исторія Лигарида" вошла въ III томъ означеннаго сочиненія.

и титуломъ, отъ Царя полученнымъ, названныхъ нововведеніями. Представленія объ этихъ нововведеніяхъ, сдѣланныя Царю врагами Никона, навлекли на него гнѣвъ Царя. Народу они говорили, что Никонъ навлекъ гнѣвъ введеніемъ во вновь устроенныхъ школахъ латинскаго и греческаго языка, перемѣной нѣкоторыхъ церковныхъ обычаевъ, строгостью, съ которой онъ возсталъ противъ разныхъ обычаевъ, и разными другими нововведеніями, которыми онъ хотѣлъ де поколебать православную вѣру. Такими средствами они возбудили противъ него всеобщее недовольство, и, когда черезъ инсинуаціи царицы и ея отца, которые по частнымъ причинамъ были его врагами, Патріархъ постепенно потерялъ благоволеніе Царя, они не считали нужнымъ обнаруживать къ нему снисхожденія".

Архидіаконъ Коксъ.

Архидіаконъ Коксъ, сопровождавшій лорда Герберта въ его путешествіи въ Польшу и Россію, напечатавшій о немъ въ 1792 г. въ Лондонѣ, называетъ Никона человекомъ выдающихся способностей, просвѣщенія и добродѣтели, смѣлымъ патріотомъ и самымъ вѣрнымъ совѣтникомъ и слугой Царя, паденіе котораго вызвано завистью и злобой придворныхъ, не могшихъ вынести его превосходства. Коксъ не входитъ въ оцѣнку религіозныхъ принциповъ, за которые боролся Никонъ, а только, какъ и Мейерберъ, восхваляетъ его за государственный смыслъ, возводя его на степень народнаго героя. (Пальмеръ V ар. 15 стр.).

Д-ръ Коллинсъ.

Коллинсъ, сопровождавшій въ Москву компанію англійскихъ купцовъ, какъ капелланъ, писалъ въ 1660 г. о Патріархѣ Никонѣ: „Патріархъ — глава во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ, очень почитаемъ его величествомъ, но изъ-за какого-то неудовольствія онъ удалился въ свой монастырь два года назадъ. Престоль продолжаетъ быть незанятымъ, и они не могутъ выбрать другого на его мѣсто. Его дворецъ примыкаетъ къ царскому; онъ каменный и довольно красивъ по своей величинѣ. О Царѣ Алексѣѣ онъ пишетъ: если бы онъ не имѣлъ такой толпы сикофантовъ и завистливаго боярства вокругъ себя, то онъ могъ бы считаться среди лучшихъ и мудрѣйшихъ государей". (П. III, 534). Онъ пишетъ: „евреи недавно проникли во дворецъ черезъ одного врача лютеранина, помогающаго Богдану Матвѣевичу Хитрову, царскому дворецкому, въ его любовныхъ похожденияхъ и доставляющаго ему польскихъ дѣвокъ. Онъ большой фаворитъ Царя,

регулюючої всѣ его домашніа дѣла; онъ съ дѣтства воспитанъ съ Царемъ и одного съ нимъ возраста. Царь — покровитель Церкви, но ограничиваетъ щедрость къ ней умирающихъ. Никто не можетъ основать монастыря безъ его разрѣшенія. (Пальмеръ добавляетъ: „а когда онъ даетъ разрѣшеніе, хотя бы Патріарху, то бояре заставляютъ взять его обратно, побуждаютъ Восточныхъ Патріарховъ простить это, какъ актъ слабости, и благословить его за нарушеніе Богу данныхъ обѣтовъ, и побуждаютъ Царя подводить себя подъ свои собственные проклятія“). Онъ смѣло занимаетъ деньги у церковнаго казначейства и откладываетъ платежъ ad calendas graeca. (Бояре говорятъ, что Никонъ, еслибы имѣлъ власть и время, захватилъ бы 1/3 государства; но когда Никонъ предложилъ условія своего ухода и замѣтилъ, что патріаршій домъ можетъ же чѣмъ-нибудь содѣйствовать его содержанію, ибо онъ увеличилъ его доходъ до 20.000 руб. ежегодно, то они не смогли согласиться). Въ заключеніе Коллинсъ говоритъ: „безъ сомнѣнія Царь благочестивъ, милосердъ и хорошій Государь, но, что касается его людей и министровъ, то они подобны слугамъ и министрамъ другихъ странъ, готовы на все за взятку или деньги и обмануть кого могутъ“. Въ этихъ отзывахъ указана безпристрастными современниками и причина паденія Никона (П. III, 537).

Уніать Кульчинскій.

Уніать Кульчинскій, помѣщенный въ словарь духовныхъ писателей Митрополита Евгенія (II, 121-122), пишетъ, что „Никонъ хотѣлъ носить титулъ Папы по примѣру Восточныхъ Патріарховъ, писавшихся иногда папами, что будто у него заготовлены были папскія регаліи“; онъ писалъ разныя несообразности о Никонѣ, навязывая ему католичество, связывая это и съ напечатаніемъ Дарственной грамоты Константина Великаго; онъ писалъ, что Никонъ не соглашался на войну съ Польшей, что онъ апеллировалъ къ папскому престолу, но говоритъ о переходѣ въ католичество Никона — величайшая несообразность, когда Никонъ не допускалъ даже вліянія католической живописи, органовъ, и на судѣ обозвалъ Лигарида еретикомъ латинскимъ, и даже всю іерархію русскую обвинялъ въ пріобщеніи къ католичеству за допущеніе въ свое лоно католика Лигарида. Дѣло въ томъ, что многіе смотрѣли на распрю Алексѣя Михайловича и Никона, какъ на политическое дѣло, и противники Россіи пользовались ею въ своихъ интересахъ; католическіе писатели

хотѣли использовать и помѣщеніе грамоты Константина Великаго въ Кормчую, и связь съ южнорусскими учеными, которые были и въ сношеніяхъ, и въ борьбѣ съ католичествомъ. Враги Никона распускали слухи, проникшіе къ иностраннымъ писателямъ, будто Никонъ, будучи въ силѣ, получалъ тайно деньги отъ польскаго короля и австрійскаго посла Аллегретти. Это опровергаль еще Мейерберъ, какъ сообщаетъ проф. Иконниковъ: извѣстіе это совершенно несообразно, ибо Никонъ побуждалъ къ войнѣ съ Польшей, настаивая на полной побѣдѣ, активно способствовалъ успѣху войны въ качествѣ государственнаго регента, подготовкой и снабженіемъ войскъ, и подкупъ невозможно даже и представить для человѣка такого горячаго патріотизма и прямоты, какимъ былъ Никонъ; обвиненіе это характеризуетъ лишь пріемы его враговъ, добившихся отчасти своего — затемнѣніемъ его личности для потомства черезъ писателей вродѣ Кульчинскаго, писавшаго о сплетняхъ, какъ о фактахъ, и передававшего свои свѣдѣнія дальше Берху, который повторялъ за Кульчинскимъ о властолюбіи Никона, о католическихъ поползновеніяхъ Никона; отзвуки отсюда попали даже къ біографу Патріарха Іоакима Смирнову, ссылающемуся на Берха въ сообщеніи о заготовленіи Никонѣмъ папскихъ регалій и осуждающему Никона за то, что онъ шель въ сторону прямо противоположную потребностямъ времени" (лучше сказать, противоположную секуляризационнымъ стремленіямъ государства и восхваляющему Патріарха Іоакима за то, что онъ своей дѣятельностью ограничилъ героическую силу великаго Никона).

Pichler.

Пихлеръ въ своемъ сочиненіи „Geschichte der kirchlichen Trennung swischen dem Orient und Occident". (München 1865) говоритъ (II, 138) о сочиненіи **Кульчинскаго**, изданномъ въ 1733 г., въ которомъ онъ сообщаетъ существовавшія о Никонѣ небылицы, которыя онъ тутъ же и опровергаетъ. „Именно Кульчинскій говоритъ, будто Никонъ просилъ Царя сдѣлать его Папой и для этого де Никонъ напечаталъ грамоту о Дареніи Константина Великаго. Такъ какъ Царь на это не согласился, то онъ сталъ католикомъ и ушелъ въ монастырь, чтобы избѣжать общенія съ схизматиками. Когда Царь его хотѣлъ судить черезъ духовенство, то онъ апеллировалъ къ Папѣ, такъ что Царь вынужденъ былъ обратиться къ Восточнымъ Патріархамъ, которые его объявили еретикомъ и сослали. Но если бы хотя бы видимость правды была въ этомъ разсказѣ, прибавляетъ Пихлеръ, то Со-

борь не обошелъ бы этого молчаніемъ. „Dasselbe machte aber umgekehrt dem Nikon den Vorwurf er habe den **Zaren und die Russische Kirche geschmäht, als huldige sie durch die Aufnahme des Mitropolitens Paisius lateinischen irrthümern. Es wurde auch unter Nikon von Rom kein Unionsversuch gemacht, obwohl dies bald nacher wieder geschah (1672-1673) (1672-1673)**"¹.

Такая разногласица мнѣній относительно Никона объяснима вполне, ибо съ его лицомъ связана была борьба, опредѣлявшая дальнѣйшую судьбу отношеній церковной и государственной власти, борьба, которая не могла быть мягкой. Чтобы сломить власть Никона, боярамъ потребовалось настроить Царя противъ него, поднять церковную іерархію вопреки ея собственнымъ интересамъ, возбудить массу кривотолками о Никонѣ; естественно, что и въ литературу попали мнѣнія, затемнявшія личность Никона ради дискредитированія его дѣла.

Levesque.

Нѣкоторые писатели касаются участія Никона во внѣшней политикѣ Московскаго государства. Французскій историкъ Levesque пишетъ въ „Histoire de Russie" 1782 года 4 т. 63 стр.: „Никонъ содѣйствовалъ своимъ мнѣніемъ войнѣ съ Польшей. Шведская война вытекла изъ нея. Когда пришлось снять осаду съ Риги, когда успѣхи въ Польшѣ стали менѣе значительны, Алексѣй отнесъ всѣ несчастья къ совѣтнику. Въ событіяхъ Царь былъ виновенъ не менѣе Никона. Но Никонъ увидѣлъ перемѣну чувствъ въ Царѣ и не захотѣлъ играть при дворѣ въ столицѣ смиренное лицо опальнаго фаворита; онъ ушелъ на дѣло простого монаха въ Воскресенскій монастырь. Здѣсь онъ собиралъ лѣтописи, сравнивалъ ихъ, исправлялъ, дополнялъ однѣ копіи другими и составилъ историческій сводъ. Его главные враги — супруга Царя и тестъ его". Однако, если бы Никона такъ считали виновнымъ въ Шведской войнѣ, едвали бы удержались отъ предьявленія этого обвиненія, котораго, однако, не было сдѣлано.

Hermann.

Оно повторяется снова у нѣмецкаго историка Hermann въ *Geschichte von Russland* (1846—1866), причемъ окрашивается заботами Никона о православныхъ Ингрии и Карелии (III т., 672 стр.):

¹ „Наоборотъ онъ упрекалъ Никона въ томъ, что осмѣялъ Царя и Русскую Церковь за то, что будто они именно виновны въ принятіи латинскихъ заблужденій Митрополита Лигарида. Также при Никонѣ Римъ не выступалъ съ уніональными попытками, хотя это случилось скоро послѣ (1672-1673)".

„Hätte Nikon durch seinen Einfluss vorzüglichen Antheil am Beginne des Polnischen Krieges gehabt, so war er gleichfalls in der Hoffnung die dem griechischem Glauben bekennenden Bewöhner Kareliens und Ingermanlandes unter Russische Herrschafft zu bringen, den Zar zum Krieg gegen Schweden in Livland ansponnte. Seit dem unglücklichen Ausgang dieses Beginnens erkaltete sichtlich das Vertrauen, das bisher der Zar in ihm gesetzt hatte. Er wurde seltener zur Hof gezogen, selbst bei festlichen Gelegenheiten übergangen. Die Grossen begegneten ihm ungescheut mit der gröbsten Nichtachtung. Einer derselben Strescbneff gab seinem Hund den Namen Nikon. Schon wurden Anordnungen, die der Patriarch sonst allein zu treffen pflegte, allmählich wie der vor die Entscheidung des Bojarenraths gezogen. Nikon hatte das polozkische Kloster zum Erscheinung Gottes für exempt erklart; plötzlich wurde es dem für die dortige Eparchie geweihten Bischof Kallist untergeben"¹. (Этотъ частный случай не совсѣмъ точенъ въ отношеніи хронологіи, ибо ставропигія была нарушена указомъ Царя послѣ ухода Никона). „Auch die Klosterkammer fing wieder an vor ihr Gericht Personen und ihre Güter zu ziehen, und der Bojarenrath erliess gestützt auf die Uloschenie nach eigenem Ermessen Entscheidungen über die wider die Verordnungen Iwan's IV von der Kirche gemachten Erwerbungen, Nikon ertrug es schwer seinen Einfluss geschwacht zu sehen. Er zog sich zurück und gab sich ganz der Sorge für die Einrichtung der drei ihm gestifteten Klöster zum Kreuz, der Iberischen und des Kiosters zur Auferstehung hin, Seine Feinde aber benützten seine häufige Abwesenheit um ihn völlig zu stürzen... Wir sehen diesen Schritt (удаление въ Воскресенскій монастырь) nicht aus Widersetzlichkeit gegen die weltliche Obrigkeit, sondern wegen der ihm widerfahrenden mit seinem geistlichem Amt, und seine Würde unverträglichen Ehrenränkung"².

¹ Если Никонъ имѣлъ своимъ вліяніемъ преимущественное участіе въ началѣ Польской войны, то одновременно онъ надѣялся поставить подъ русское господство православныхъ жителей Кареліи и Ингерманландіи и поощрять ради этого царя къ войнѣ съ Швеціей въ Ливоніи. Послѣ неудачнаго исхода съ этимъ начинаніемъ охладѣло къ Никону то довѣріе, которое дѣлало изъ Никона законъ для Царя. Его стали рѣже приглашать ко двору, даже обходили и въ торжественныхъ случаяхъ. Бояре стали обходиться съ нимъ безбоязненно съ самымъ грубымъ презрѣніемъ. Одинъ изъ нихъ далъ своей собацѣ имя Никона. Указы, которые когда-то Патріархъ обычно издавалъ своей властью, постепенно отдавались на сужденіе Боярскаго Совѣта. Никонъ объявилъ Полоцкій Богоявленскій монастырь ставропигіальнымъ; вдругъ онъ былъ подчиненъ посвященному для тамошней епархіи епископу Каллисту.

² Точно также Монастырскій приказъ снова стаъ привлекать къ своему суду лицъ и ихъ имущества, и бояре, опираясь на Уложеніе, стали издавать по своему усмотрѣнію рѣшенія о приобрѣтеніяхъ, сдѣланныхъ Церковью вопреки Указовъ Ивана IV. Никону тяжело было переносить ослабленіе своего вліянія. Онъ удалился и отдался вполнѣ устройству трехъ учрежденныхъ имъ монастырей: Крестнаго, Иверскаго и Воскресенскаго. Но враги использовали его частое отсутствіе, чтобы его окончательно свалить. Мы видимъ, что онъ удалился въ Воскресенскій монастырь не изъ противодѣйствія свѣтской власти, а вслѣдствіе порухи чести, несомвѣстимой съ его духовнымъ положеніемъ и непереносимой для его достоинства.

Видно, авторы иностранцы, не ослѣпленные цезарепапизмомъ, даже писавшіе еще въ 50-хъ годахъ XIX вѣка, какъ Hermann, не нуждались для объясненія ухода Никона въ придумываніи властолюбія, а имъ было ясно, что Никонъ защищалъ права Церкви, а бояре наносили имъ ущербъ своимъ засиліемъ, съ которымъ надо было бороться во имя правъ Церкви.

Стэнли.

Стэнли, писавшій въ первой половинѣ XIX в., преисполненъ великаго почитанія къ характеру и дѣятельности Никона, но онъ не видитъ въ немъ ничего похожаго на Гильдебранта. „Неоспоримо, пишетъ Стэнли („Приб. къ твореніямъ Св. Отцевъ 1862 г. статья Н. Соколова), Никонъ есть величайшій характеръ въ лѣтописяхъ русской іерархіи, и даже между дѣятелями всей Восточной Церкви не много можно указать такихъ, которые могли бы сравняться съ нимъ, какъ церковные политики. Фотій въ IX и Златоустъ въ IV вѣкахъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминаютъ намъ судьбу Никона, и это сходство можетъ быть принято въ доказательство тождества принциповъ, которые въ теченіе шести столѣтій одушевляли двѣ главныя отрасли Восточной Церкви... Черезъ всю глубокую мглу, которая лежитъ надъ нами, можно разглядѣть оригинальный характеръ челоуѣка, соединяющаго съ своенравнымъ упрямствомъ переросшаго избалованнаго ребенка, рѣдкій юморъ и неутомимую энергію западнаго политика. Въ ряду портретовъ, представляющихъ іерархію древней Россіи, его фигура первая оставляетъ въ насъ впечатлѣніе индивидуальной оригинальности. Въ разныхъ монастыряхъ, которыми онъ управлялъ, его угрюмая фізіономія смотритъ сверху на насъ своими кровавыми глазами, съ нахмуренными глубоко бровями и краснымъ цвѣтомъ лица. Длинныя первосвященническія одежды хранятся, какъ памятникъ пышности, и рисуютъ передъ нами величественную статую его, не менѣе 7-ми футовъ, — черта общая многихъ изъ знаменитѣйшихъ соплеменниковъ Никона". **Соколовъ** правильно протестуетъ противъ названія Никона церковнымъ политикомъ, ибо Никонъ не былъ политикъ. Осторожный въ вопросахъ вѣры, исправленія обрядовъ, онъ въ отношеніи къ людямъ прямъ, рѣшителенъ и непреклоненъ. Недостатокъ гибкости и приспособленія къ людямъ, рѣзкость въ обращеніи съ людскими слабостями — одна изъ причинъ его паденія. „Никонъ, говоритъ Стэнли, былъ первый русскій реформаторъ, но мы не должны ожидать при

этой параллели прямой реформації ученія или философіи. Такой реформації никогда не было ни въ одной отрасли Восточной Церкви... тѣмъ не менѣ Никонъ былъ великій первый восточный іерархъ за исключеніемъ одного Кирилла Лукариса, который понялъ, что настало время дать жизнь обрядовымъ церемоніямъ и нравственное направленіе набожнымъ чувствамъ русской религіозности". Стэнли привѣтствуетъ Никона за его неумолимую строгую борьбу противъ пьянства и за его благотворительность. „Съ безграничной щедростью онъ основывалъ больницы и страннопріимные дома для сиротъ, вдовъ и престарѣлыхъ. Во время голода, опустошившаго Новгородъ, онъ показалъ щедрость и великодушіе, достойные Карла Борromeo въ Миланѣ, Франче въ Галле. Хотя Стэнли превозноситъ больше всего Никона за обрядовую реформу, за что онъ готовъ его считать русскимъ Лютеромъ, но весь характеръ Никоновской реформы — совѣты съ Патріархами, посылка на востокъ за книгами, самое ихъ исправленіе показываютъ, что у Никона не было мысли о реформѣ въ смыслѣ западномъ. Никонъ стремился къ приведенію богослуженія въ согласіе съ греческимъ, просвѣтитъ духовенство „Скрижалю" и школами, искоренить худые нравы, поэтому Стэнли напрасно сравниваетъ его съ Лютеромъ, посягнувшимъ на ученіе Церкви. Стэнли почитаетъ Никона за реформу церковнаго пѣнія, замѣнившую грубый напѣвъ московитянъ пріятной интонаціей изъ Польши и изъ Греціи. Никонъ позаботился о чистѣйшемъ переводѣ Библии на славянскій языкъ. Никонъ лично оживилъ проповѣдничество. О пріемахъ проповѣдничества рассказывалъ Павелъ Алеппскій: „Патріархъ благословилъ Государя и потомъ сталъ передъ нимъ, возвыся свой голосъ въ молитвѣ за него и произнесъ прекрасное поученіе съ примѣрами и изреченіями древнихъ о томъ, какъ Богъ далъ побѣду Моисею надъ фараономъ, изъ новой исторіи о побѣдѣ Константина надъ Максиминомъ и Максентіемъ и приводилъ многіе другіе примѣры въ этомъ родѣ; и говорилъ съ такимъ обиліемъ краснорѣчія, которое понадобилось быстрому теченію потока. Когда онъ запинаясь или спутываясь въ словахъ или дѣлалъ ошибки, самъ же опять поправлялся съ совершеннымъ спокойствіемъ. Никто не думалъ искать погрѣшности въ немъ или не былъ утомленъ его рѣчью, какъ будто каждый стоялъ передъ нимъ, какъ рабъ передъ своимъ господиномъ". Стэнли мирится и съ недостаточнымъ съ его точки зрѣнія радикализмомъ Никоновскихъ реформъ. „Пусть скажутъ, кто является истиннымъ благодѣтелемъ, тѣ ли, которые пыта-

лись ниспровергнуть существующія формы вѣры, или тѣ, кто путемъ воспитанія вливали новую жизнь въ эти формы? Эти размышленія примиряютъ насъ съ полумѣрами Никона, и мы привѣтствуемъ его усилія на этомъ пути". Протестантъ Стэнли — не судья православному церковному реформатору, особенно въ вопросахъ каноники, когда понятіе іерархіи исчезло изъ протестантизма, но мы привели его сужденія, какъ показатель того, какъ люди совершенно разныхъ исповѣданій воздавали должное уму, энергіи, осторожности, вдумчивости и духовному размаху Патріарха Никона при господствующемъ непониманіи его окружающей средой. **Стэнли полагаетъ, что Никонъ враждовалъ съ грубымъ дворянствомъ и невѣжественнымъ клиромъ, а не съ Царемъ.** Разрывъ съ Царемъ онъ считалъ изъ-за личныхъ причинъ. „Мы слишкомъ довольно слышимъ и знаемъ о гражданскихъ и іерархическихъ столкновеніяхъ въ Западной Европѣ, не будемъ переносить ихъ на исторію простой и очень естественной ссоры между двумя друзьями, съ которой тѣ не имѣютъ ничего общаго". Стэнли объясняетъ просто ссору Царя и Патріарха продолжительнымъ отсутствіемъ Царя въ походѣ и неудачей Шведской войны, что дало врагамъ случай для разъединенія Патріарха въ Царемъ. Одно свиданіе все бы прекратило, но враги его и не допустили. Они поймали Патріарха на словѣ и объявили каедрю праздною; и Стэнли о соборѣ, судившемъ Никона, говоритъ: „Нужно было, чтобы самое торжественное собраніе отцовъ, какое когда-либо видѣла Москва, было учреждено для осужденія величайшаго человѣка, какого произвела восточная іерархія въ новѣйшія времена". А въ другомъ мѣстѣ, описывая его гробницу въ Воскресенскомъ монастырѣ, онъ пишетъ: „Тамъ лежитъ онъ на мѣстѣ, имъ самимъ означенномъ у подножья Голгофы, гдѣ въ дѣйствительномъ храмѣ Св. Гроба лежатъ останки Готфрида Бульонскаго. Надъ гробницей повѣшены тяжелыя вериги, которыя онъ носилъ во время своего отшельничества. Надъ головой лежитъ небольшое восковое изображеніе, которое онъ всегда и вездѣ носилъ съ собой. Здѣсь покоится онъ, далекій отъ идеальнаго типа святого характера, оставивъ однако же своей Церкви примѣръ, въ которомъ она нуждается, рѣшительнаго и дѣятельнаго руководителя, признаннаго и прославленнаго, когда признаніе и слава были уже слишкомъ поздны. Стэнли не понялъ вовсе основныхъ стремленій Никона по реформѣ церковно-государственныхъ отношеній, для него, какъ протестанта, здѣсь не возникало и вопроса; потому и все дѣло борьбы съ цезарепапизмомъ превращено у Стэнли въ личную

распрю Никона съ Царемъ. Его отзывы о Никонѣ можно было бы просто оставить безъ вниманія, какъ исходящія отъ человѣка, не могущаго по своимъ воззрѣнїямъ оцѣнить идеи Никона, его исповѣдничество и мученической характеръ его борьбы, а также и цѣнность этой борьбы для Русской Церкви, въ которой Никонъ своей личностью запечатлѣлъ вѣчно неумирающей идеаль самостоятельной Церкви отъ чуждыхъ стихій міра сего. Но Стэнли, независимо отъ всего этого, оцѣнилъ могучую природу Никона, его нравственную независимость, прямоту, безкомпромиссность въ борьбѣ, полное отсутствіе человѣкоугодничества и призналъ въ немъ одного изъ величайшихъ іерарховъ всей Восточной Церкви: нельзя было не отмѣтить этого сужденія иновѣрнаго историка.

Пальмеръ. „Dissertations“.

Несравненно ближе проникся и въ ученіе Никона и въ его личность католикъ Пальмеръ. „Вотъ, пишетъ онъ въ „Palmer's dissertations on subjects relating to the Orthodox or Eastern Communion, London. 1853. „Истинный реформаторъ, не человѣкъ изъ низшихъ рядовъ общества возбуждающей народъ желчными воззваніями противъ властей, но епископъ, первенствующій іерархъ великаго государства, который по чувству долга принимаетъ на себя инициативу при введеніи справедливыхъ и необходимыхъ реформъ“. Или въ другомъ мѣстѣ: „Чѣмъ больше мы изучаемъ характеръ Никона, тѣмъ менѣе находимъ основаній обвинять его въ какомъ-либо изъ тѣхъ недостатковъ, которые навязывались ему его врагами. Въ немъ не было ничего похожаго на незнаніе или забвеніе различія и предѣловъ между духовной и гражданской властью, никакой склонности къ мірскому или духовному надменію“, Въ его духовной дѣятельности Пальмеръ видитъ образецъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ должна стоять духовная власть къ власти гражданской... „Во всю продолжительную борьбу, составившую его жизнь, мы видимъ, чего онъ требовалъ для себя и отъ себя лично: именно строгаго покаянія и самоумерщвленія за грѣхи свои и своего народа, скудной пищи, жесткой, какъ камень, постели и изголовья и тяжелыхъ веригъ“.

„...Послѣ несправедливаго осужденія и низложенія, онъ не позоритъ своихъ враговъ, не покровительствуетъ отпаденію отъ Церкви, которая сама была участницей въ неправдѣ, но неуклонно содержитъ истину; онъ возноситъ молитвы за враговъ своихъ и предлагаетъ имъ разрѣшеніе, если они раскаются, принимаетъ на себя тяже-

лое покаяніе за общественные грѣхи и въ тяжкомъ заключеніи прилагаетъ добровольные подвиги святого аскетизма". Пальмеръ какъ бы упрекаетъ Русскую Церковь въ неблагодарности къ великому ея дѣятелю и ждетъ отъ Русской Церкви, „чтобы она воздала памяти великаго Патріарха то же воздаяніе, которое было сдѣлано Св. Златоусту и Св. Филиппу митрополиту преемниками Государей согрѣшившихъ противъ Бога и Церкви, преслѣдовавшей ея великихъ заступниковъ, и чтобы имя Никона было присоединено на литургіи къ именамъ Св. Митрополитовъ Петра, Алексѣя, Іоны и Филиппа". Такое сужденіе высказалъ Пальмеръ, не зная, повидимому, о чудесахъ у гроба Никона, ибо онъ о нихъ не упоминалъ, принимая католическую точку зрѣнія на канонизацію по человѣческой оцѣнкѣ. Но, такъ какъ были свидѣтельства о Никонѣ и свыше черезъ чудеса, то онъ подлежитъ канонизаціи и по правиламъ нашей Православной Церкви. Надлежитъ совершить такое же обращеніе къ нему съ мольбой о прощеніи, съ какимъ обращался въ свое время Царь Алексѣй Михайловичъ за своего предшественника Грознаго Царя, чтобы общественный грѣхъ, тяготѣющій за несправедливость, учиненную Никону, былъ снятъ съ царской власти и со всего народа русскаго. Мы уже цитировали слова Пальмера о томъ, что „судьбы Россіи были бы иными, если бы Никонъ остался Патріархомъ, но Никонъ палъ, и его паденіе повлекло за собой заслуженное наказаніе и духовенства и боярства и предержавшихъ властей, наказаніе, которое не могло быть отвращено, пока грѣхъ, причинившій его, не былъ бы достаточно исповѣданъ и пока не была бы воздана справедливость тѣмъ правамъ Церкви, которыя представлялъ Никонъ. Ибо это была не личная только борьба, но борьба двухъ противоположныхъ началъ, встрѣтившихся между собой около личности человѣка, который по своему положенію и характеру становился представителемъ и олицетвореніемъ одною изъ нихъ". Причину ссоры Никона съ Царемъ Пальмеръ усматриваетъ въ обширномъ соумышленіи бояръ. „Ихъ ненависть была напряжена до чрезвычайности, и такая напряженность вызывалась не церковными преобразованиями Никона, не защитой имъ правъ Церкви, а чрезмѣрнымъ вліяніемъ на Царя и блескомъ его дарованій. Наиболѣе раздражалъ бояръ титулъ великаго Государя, который и сталъ несправедливымъ и глупымъ обвиненіемъ противъ Никона. Лица, окружающія Никона и привязанныя къ нему, были людьми его же духа, а враги его рѣзкими противоположностями имъ — людьми по существу весьма дурными. Они, не желая допустить

дѣла до примиренія Никона съ Царемъ, представляли Царю совершенно ложно, что будто дѣло идетъ о борьбѣ изъ-за безраздѣльнаго господства духовной власти, или безраздѣльнаго свѣтскаго господства, такъ что одинъ былъ выходъ — или низложить Никона, или отдать ему всю Москву, какъ отдалъ Константинъ Великій Римъ Папѣ Сильвестру. Но въ дѣйствительности дѣло вовсе такъ не стояло, а Царь былъ вовлеченъ и затянутъ въ борьбу такъ, что назадъ поворота не было, о чемъ и сказалъ ему на судѣ Никонъ, когда Царь подошелъ къ нему и сказалъ, что онъ не хочетъ ему ничего дурного. Степень же виновности самого Никона Пальмеръ опредѣляетъ словами Никона Царю на судѣ, когда бояре не осмѣливались поддерживать открыто обвиненія Царя: „О Царю сихъ всѣхъ предстоящихъ тебѣ и собранныхъ на сію сонмищу, девять лѣтъ всячески вразумлялъ еси и училъ и на день сей уготовлялъ, яко да насъ возглаголятъ; но се что бысть, не токмо что глаголати умѣяху, ниже усть отверзти можаху, не вскую ли поучашеся тщетнымъ: но азъ о Царю!.. совѣтъ ти даю, аще повелиши симъ на насъ вергнути каменія, тое сіе они абіе вскорѣ сотворять, а ежели оглаголати насъ, аще и еще 9 лѣтъ имаши учити, **и тогда егда обрящещи что**". (Шушеринъ 115 стр.). Пальмеръ углубилъ проблему Никона, показавъ не только каноничность его дѣйствій, но и значеніе его борьбы Церкви для Россіи въ томъ смыслѣ, что она даже и не кончилась, видна еще только въ началѣ, ибо слѣдствіемъ, совершеннаго по отношенію къ Никону грѣха и враждой противъ Церкви, Государство приготовило близкую гибель себѣ. Изъ приведенныхъ нами въ разныхъ мѣстахъ цитатъ, мы видимъ, что Пальмеръ говорилъ о несомнѣнной гибели Русскаго Государства, въ основу котораго съ паденіемъ Никона закладывался фундаментъ цезарепапизма. Онъ одновременно говорилъ о томъ, что исправленіе этого пути слишкомъ трудно для человѣческихъ усилій и возможно только Промыслу Божию. Теперь, послѣ свершившейся гибели государства, снова возникаетъ передъ нами вопросъ, пойдетъ ли оно возставши по пути Никоновскаго православнаго государства, или по пути полуязыческаго государства, въ которомъ понтифексъ максимумъ будетъ подкрѣпленъ протестантскимъ ученіемъ о Государѣ — носителѣ церковной власти.

Мы приведемъ еще нѣкоторые отзывы о Никонѣ въ иностранной литературѣ:

Theiner.

Theiner въ своемъ сочиненіи: „L'Eglise schismatique Russe d'après les relations récentes du prétendu Saint - Synod", Paris 1854, пишетъ (39 стр.): „A Joseph I a succédé Nikon, **homme de merveilleuse grandeur d'âme vraiment digne d'occuper un siège patriarcal, mais non celui de Russie, trop indigne de lui. C'est le premier et le seul patriarche russe qui ait agi par le sentiment du devoir et de la dignité de sa charge. Aussi tomba-t-il victime du pouvoir temporel que sa grandeur d'âme offusquait.** Les patriarches d'Antiochie et d'Alexandrie, appelés par le tsar, eurent, le courage de s'unir à ce dernier pour perdre leur colloque. Ils confirmèrent le jugement inique porté contre le patriarche par le prince, jaloux de maintenir l'autorité de sa théocratie usurpée. Nikon fut en conséquence déposé et renfermé dans un monastère comme simple moine. **Sa chute porte un coup mortel à l'église de Russie,** et l'église grecque en condamnant Nikon se rendit pour la seconde fois aux tzars comme déjà elle l'avait fait sous Godounov.

Nikon déposé, il ne restait plus qu'un pas à tenter pour Slip primer le patriarcat moscovite. Trente ans après Pierre le Grand y réussit. Ce prince concentrant en lui-même toutes les usurpations théocratiques de ses prédécesseurs, les rattacha toutes à son trône d'une manière invariable, et les transmit comme un précieux héritage à ses successeurs. L'autorité des évêques était depuis longtemps réduite au plus grand degré d'avilissement. Ils se montrèrent dignes de leur position par la honteuse part qu'ils prirent à la condamnation du prince Alexis, fils unique de Pierre. Cet acte barbare à jamais la honte du père dénaturé qui le commit, a fait voir à la postérité que Pierre pouvait en fait de cruauté surpasser même Ivan IV. Ce dernier en effet avait tiré son fils dans un accès de colère; Pierre fit mourir le sien de sang froid, obligeant l'Eglise et l'état à le condamner pour des fautes en partie inventées, en partie représentées sous les plus perfides couleurs"¹

¹ По Іосифѣ I вступилъ Никонъ, человекъ дивнаго величія духа, воистину достойный занимать патриаршій престолъ, но не русскій, слишкомъ недостойный его. Это — первый и единственный русскій Патриархъ, поступавшій по чувству долга и по достоинству своего служенія. И онъ палъ жертвой власти, которую пугало его величіе. Антиохійскій и Александрійскій Патриархи, приглашенные Царемъ, имѣли смѣлость соединиться, чтобы погубить своего товарища. Они скрѣпили нечестивый судъ Царя противъ Патриарха, ревностнаго въ поддержаніи авторитета его узурпированной теократіи. Никонъ былъ низложенъ и заключенъ въ монастырь, какъ простой монахъ. Его паденіе наноситъ смертельный ударъ Русской Церкви, и Церковь Греческая, осуждая Никона, второй разъ сдалась Царямъ, какъ она это уже сдѣлала при Годуновѣ. По низложеніи Никона оставался одинъ шагъ, чтобы попытаться уничтожить Московскій Патриархатъ, и онъ удался Петру I чрезъ тридцать лѣтъ. Этотъ Государь, концентрируя въ себѣ все теократическіе захваты своихъ предшественниковъ, незамѣтно ихъ прикрѣпилъ къ своему трону и передалъ ихъ, какъ драгоценное наслѣдіе своимъ преемникамъ. Авторитетъ епископовъ уже давно былъ доведенъ до послѣдней степени униженія. Они заслужили свое положеніе постыднымъ участіемъ, которое они приняли въ осужденіи наслѣдника Петра Алексѣя. Этотъ

Tondini

Такъ **Tondini** въ *Réglement ecclésiastique de Pierre le Grand* называлъ Никона l'un des hommes les plus savants de son époque. Онъ пишетъ: „Parmi les patriarches de Moscou il s'en trouva un en effet doué d'une âme vraiment épiscopale; ce fut Nikon qui occupale siège patriarcal du temps du tzar Al. Mikhaïlovitch père de Pierre I. L'histoire de l'Eglise sous le patriarche Nikon, c'est l'histoire de la lutte suprême soutenue par ce prélat pour sauver l'indépendance du pouvoir spirituel. Il ne fufe pas secondé et un jour il se trouva presque seul à lutter contre le tsar. Par un travail habilement dirigé les autres évêques avaint été gagnés au parti du tsar. Nikon condamné par ses frères dans l'épiscopat (1666) **succomba mais il succomba en martyr**"¹. Tondini въ другомъ сочиненіи „La Chiesa Russa" указываетъ на опасность для самой Церкви находиться въ управленіи государственномъ: черезъ это падаетъ собственная энергія строительства и борьбы, и какъ она справится съ правительствомъ, если таковымъ окажется въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ вмѣсто Царя социалистъ! Tondini оказался пророкомъ въ послѣднемъ случаѣ, ибо онъ писалъ еще въ XIX вѣкѣ: (1875 г.) (р. 68).

„Ma i protestanti, i razionalisti, i giudei, i maometani e i rascolnici non sono i soli nemici che la chiesa russa deve apparecchiarsi a combattere, e contro i quail non trovera efficace ajuto che dai cattolici. Essa potra avere per nemici il governo, l'ateismo nella legislazione, gli ostacoli d'ogni maniera fatti alia propoganda ortodossa, lisrruzione irreligiosa obligatoria, l'incredulità e il materialismo premiati dalle academie in una parola tutte le autorità costituite da cui dipende il popolo. Ora puo mai la chiesa russa ripromettersi di combattere con successo contro sifatti nemici? Niuno vorrá asserire che la storia passata di questa Chiesa ce ne offra sincere garantigie; la sua vita, particolarmente dopo Pietro I é stata si uniforme e si é **tenuta in un campo si ristretto, che non ha potuto far prova di sue sforze**. Ma sventuramente v'è di peggio: per quanto si stata uniforme la

варварскій актъ, къ стыду совершившаго его отца искаженного въ своей природѣ, показавъ потомству, что Петръ могъ въ жестокости превзойти даже Ивана IV. Послѣдній, правда, убилъ своего сына въ припадкѣ гнѣва, но Петръ убилъ хладнокровно, вынуждая Церковь и Государство осудить его за вины, частью выдуманная, частью изображенныя искусственно, какъ самыя вѣроломныя.

¹ „...однимъ изъ самыхъ ученыхъ людей своей эпохи". Онъ пишетъ: „Среди московскихъ Патріарховъ оказался одинъ съ духомъ по истинѣ епископскимъ; это былъ Никонъ, занимавшій патріаршій престолъ во времена Царя Алексѣя Михайловича, отца Петра I. Исторія Церкви при Патріархѣ Никонѣ, это — исторія крайней борьбы, выдержанной этимъ Патріархомъ ради спасенія независимости духовной власти. Ему не помогли, и онъ оказался однажды почти одинокимъ въ борьбѣ съ Царемъ. Искусными происками другіе епископы были привлечены на сторону Царя. Никонъ, осужденный своими собратьями по епископату, палъ, но палъ, какъ мученикъ".

sua vita, esso ci mostra come sua nota distintiva, la facilita onde gli tsar **imposero ad essa le loro leggi, e ottenero da essa cio che in nessuna maniera si farebbe estorto dai grandi dottori e padri della chiesa greca.** Or se la chiesa russa si é mostrata si debole dinanzi agli tsar, é certo forse che ritroverebbe subito la sua sforza quando avesse dinanzi un governo animato dai principi più ostili al cristianesimo, nemico giurato, non solo di tutta la Chiesa cristiana, ma anché di Gesu Christo? **Noi non siamo profeti; ma alia fine non é assolutamente impossibile che in un tempo più o meno lonta no non segga sul trono degli tsar un socialtsta russo**"¹. Въ другомъ мѣстѣ той же книги (25 стр.) онъ говоритъ: „Цари лично мало дѣлають неправославнаго, со строгостью поддерживаютъ Православіе въ народѣ, а высшіе слои общества — или невѣрующіе или скептически настроены; огромное число русскихъ раздѣляетъ самыя разрушительныя ученія, а Церковь государствомъ используется лишь, какъ полицейское орудіе, столь презрѣнное, что рѣдко попъ можетъ войти дальше передней барскаго дома; вотъ чѣмъ стала Русская Церковь въ результатѣ дѣла Царей". (XVIII и XIX вѣкъ). Здѣсь много преувеличенія относительно результата, ибо Русская Церковь въ гоненіи обнаружила силу Церкви первыхъ временъ христіанства, но много правды въ томъ, что ея ненадлежащее положеніе въ государствѣ послѣ Никона лишало ея подобающаго вліянія на общество. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 55) Тондини говоритъ, что „русскій епископатъ не далъ своими писаніями поддержки Православію, пропорціональной угрожающей ему опасности; что же будетъ, когда Церковь будетъ лишена опоры уголовнаго закона, а епископы и священники, будучи опекаемы, не имѣли случая считаться самостоятельно съ великими врагами Церкви". Съ другой стороны онъ же указываетъ, что вліяніе Православія ослабленно самими Ца-

¹ Но протестанты, раціоналисты, евреи, магометане и раскольники — не единственные враги, съ которыми Русская Церковь должна приготовиться бороться и противъ которыхъ найдетъ дѣйствительную помощь только у католиковъ. Она будетъ имѣть врагами правительство, атеизмъ въ законодательствѣ; препятствія всякаго рода созданныя для православной пропаганды, обязательное безрелигіозное обученіе, невѣріе и матеріализмъ, вѣнчаемая академіей, однимъ словомъ всѣ авторитеты, отъ которыхъ зависитъ народъ. Сможетъ ли Русская Церковь быть увѣренной въ борьбѣ успѣшной противъ этихъ враговъ? Никто не захочетъ утверждать, что прошлая исторія этой Церкви даетъ намъ дѣйствительныя гарантіи; ея жизнь, въ особенности послѣ Петра I стала такъ однообразной и поставлена въ столь тѣсныя рамки, что не могла дать доказательствъ своихъ силъ. Къ несчастью, хуже того. Насколько однообразна ея жизнь, показываетъ ея отличительная черта, легкость, съ какой Цари наложили на нее свои законы и добились отъ нея того, чего никоимъ образомъ не добились бы отъ великихъ учителей и отцовъ Греческой Церкви. А если Русская Церковь оказалась столь слабой передъ Царями, то можетъ ли она вдругъ обрѣсти силу, когда увидитъ передъ собой правительство, вдохновенное принципами враждебными христіанству, врага заклятаго не только всей Церкви христіанской, но и Самаго Иисуса Христа? Мы не пророки, но не абсолютно невозможно, что во времена. болѣе или менѣе отдаленныя, возсядетъ на престолъ Царей русскій социалистъ". Случилось худшее: тронъ Царей овладѣло богоборческое еврейство.

рями. „Если вы посмотрите Регламентъ Петра Великаго, то вы увидите его протестантскій духъ. Священники, монахи и епископы Православной Церкви не могли быть уважаемы при такомъ способѣ обращенія съ ними Царя Петра. Равнымъ образомъ его покровительство протестантамъ и почитаніе ихъ мнѣній, неограниченное довѣріе въ секуляризаціи Россіи, неуваженіе его къ святымъ вещамъ въ его нечестивыхъ оргіяхъ, все это совершенно непримиримо съ обязанностью христіанскаго Государя". Екатерина II считала себя слугой Вольтера, и должно краснѣть православному человѣку при чтеніи ея корреспонденціи съ Вольтеромъ. Если протестанты могутъ разсматривать Петра, какъ одного изъ своихъ, то невѣрующіе — Екатерину, ибо она высмѣиваетъ церемоніи и таинства своей Церкви въ этой корреспонденціи; а духъ нечестія вокругъ нея и костюмы — зеркало ея невѣрующей души. **Было бы чудо, прибавляетъ Тондини, если бы православные, умѣющіе читать и писать, оставались вѣрующими при такомъ режимѣ.** Она сама это понимала и писала Московскому губернатору: „Я не устраиваю школь, но для Европы надо сохранять въ общественномъ мнѣніи наше отношеніе. Въ тотъ день, когда наши крестьяне пожелаютъ учиться, ни вы, ни я не останемся на своемъ посту". Тондини говоритъ о преемникахъ Екатерины II: „Sotto i successori di Caterina II l'ortodossia ando soggetta a diverse vaiiazioni secondo il grado d'ortodossia degli tsar, e le vicende della ioro politica in casa e fuori. Paolo I era tanto convinto di essere il vera capo delta sua Chiesa, che un giorno si diede a credere di poter celebrare la Santa Messa... Non imponendo egli la fede col prestigio della sua scienza e delle sue virtú morali, l'incredulità continuó a fare strage in Russia. Nella vita di Alessandro I si può distinguere un periodo di tempo in cui esso piegó non poco al protestantismo; e sappiamo della storia quant' autorita avesse sopra di lui una dama protestante M. de Kxudener. Se non c'inghiamo, coloro che sotto il regno di Alessandro, s'affaticarono tanto per istablire una societa biblica in Russia, non intendevano concio di favorite Tortodossia. L'Imperatore Alessandro era cristiano ortodosso non nel senso della sua chiesa ma nella rigorosa con-formita della sua credenza al domma fondamentale di tutte le chiese cristiane, che é la redenzione del genere umano per la morte riparatrice di Gesú Cristo mediante la fede"¹.

¹ При преемникахъ Екатерины II положеніе Православія было подчинено разнымъ варіаціямъ въ зависимости отъ степени православія Царей и превратностей ихъ политики внѣшней и внутренней. Павелъ I былъ такъ убѣжденъ, что онъ — истинная Глава Церкви, что однажды онъ заставилъ повѣрить, что онъ можетъ служить обѣдно. Онъ не импонировалъ ни престижемъ своихъ знаній, ни своими нравственными добродѣтелями, и невѣріе стало свирѣпствовать въ Россіи. Въ жизни Александра I можно различать періодъ времени, когда онъ

Вліяніє протестантизму на руководящіє слої общества и создало раздѣленіє ихъ отъ народа въ Императорской Россіи; ибо протестантизмъ несетъ другую культуру; Тондини указываєть это различіє:

„Il protestantismo é una religione che in moltissimi questioni riguardanti la morale non riconosce altro giudice che la ragione privata; laddove rispetto alle stesse questioni **la Chiesa ortodossa possiede un'autorità che le risolve nel senso meno favorevole all'inclinazioni della natura.** Il protestantismo é una religione che non impone nessuna pratica speciale di culto, **la Chiesa ortodossa non ne lascia del tutto la scelta ai fedeli;** il protestantismo rigetta le opere espiatrici; **la chiesa ortodossa impone astinenze e digiuni molto prolungati;** il protestantismo ci manda a Dio le confessione delle nostre colpe, **la Chiesa ortodossa vuole che sieno dichiarate ad un uomo per ottenere per questo atto umiliante e penoso il perdon del Signore.** Se il protestantismo ci presenta Gesù Cristo come modello, limita cio che dobbiamo o possiamo imitare in Esso, ma **la Chiesa ortodossa non fissa alcun limite all'imitazione del nostro divino modello:** la verginitá, la povertá, e l'obbedienza volontaria sono per il protestantismo quello che era la croce per Gentili, una follia; **ma la Chiesa ortodossa li ritiene per consigli dati da Gesù Cristo stesso a coloro, che stimano felici di rassomigliarlo**"¹

Передъ лицомъ невѣрія требуется, чтобы Церковь требовала отъ священниковъ нѣчто большее, чѣмъ общая слава чловѣка честнаго, послушнаго подданаго своему Государю, вѣрнаго своей женѣ и уважаемаго своими сыновьями". Тондини говоритъ, что это Русская Церковь утратила. Событія русской революціи, сопровождавшіяся добровольнымъ мученичествомъ и исповѣдничествомъ іерархіи и священниковъ и вѣрующихъ его въ томъ опровергали. Невольно

не мало склонялся къ протестантизму; изъ исторіи мы знаемъ, какое вліяніє имѣла на него дама протестантка баронесса Крюденеръ. Не ошибемъ, что тѣ которые въ царствованіе Александра I такъ старались учредить въ Россіи библейское общество, не думали этимъ благопріятствовать Православію. Императоръ Александръ I былъ православнымъ христіаниномъ не въ смыслѣ Православной Церкви, а въ строгомъ соотвѣтствіи своей вѣры съ основной догмой всѣхъ христіанскихъ Церквей, т. е. искупленію рода чловѣческаго искупительной смертью Иисуса Христа черезъ вѣру.

¹ „Протестантизмъ — религія, которая въ весьма многихъ вопросахъ, касающихся морали, не признаєть другого судьи, кромѣ индивидуальнаго разума; въ отношеніи къ другимъ вопросамъ Православная Церковь имѣєть авторитетъ, который ихъ разрѣшаетъ въ смыслѣ менѣе благопріятномъ наклонностямъ природы. Протестантизмъ — религія, которая не налагаетъ никакой спеціальной практики культа; Православная Церковь вовсе не оставляетъ ихъ выбору вѣрующихъ; протестантизмъ отбрасываетъ искупительныя дѣла; Православная Церковь накладываетъ воздержаніє и весьма продолжительныя посты; протестантизмъ оставляетъ признаніє нашихъ грѣховъ Богу, Православная Церковь требуетъ ихъ исповѣди передъ чловѣкомъ, чтобы этимъ смиреннымъ и труднымъ актомъ добиться прощенія отъ Господа. Если протестантизмъ представляетъ намъ, какъ образецъ, Иисуса Христа, ограничиваетъ то, въ чемъ мы должны или можемъ подражать Ему, то Православная Церковь не ставитъ никакой границы въ подражаніи нашему Божественному образцу; дѣвство, бѣдность и добровольное послушаніє — то, что было крестъ, для язычниковъ — безуміє; но Православная Церковь ихъ признаєть какъ совѣты Самаго Иисуса Христа тѣмъ, которые считаютъ себя счастливыми подражать Ему".

вспоминаются слова о. Сергія Булгакова „Другъ жениха" (стр. 166), по поводу убіенія Предтечи. „Этимъ преступленіемъ обличается все безуміе зла, ибо именно въ немъ совершается величайшая побѣда добра. Развѣ есть большее для него торжество, нежели непреклонность даже до смерти? Развѣ умолкли уста усѣкновеннаго Предтечи? Развѣ безмолвствуетъ языкъ, который согласно преданію, въ своей сатанинской злобѣ пронзила иглой Иродіада? Развѣ можетъ быть болѣе побѣдное торжество истины, нежели пріятіе за нее страданія и смерти?" То же относится къ Соловецкимъ мученикамъ. Однако Тондини правильно отмѣтилъ совершенную неумѣстность протестантскихъ идей для реформъ Православной Церкви; она возможна была только потому, что Царь почиталъ себя въ правѣ производить реформы въ Церкви по своему усмотрѣнію, т. е. почиталъ себя не связаннымъ ученіемъ и канонами Церкви благодаря тому же протестантскому вліянію. Мы привели длинныя цитаты изъ Тондини, поскольку онъ рисуетъ разрушительное дѣйствіе въ Русской Церкви Петровской церковной реформы и при этомъ иллюстрируетъ важность и значеніе основной идеи Никона, которую мы выразимъ такъ: Царь не можетъ имѣть авторитета въ дѣлахъ Церкви, не имѣя на то соотвѣтствующей благодати, Царь православный долженъ быть не только по имени и по личной жизни православнымъ, а и въ дѣлахъ, гдѣ онъ законодательствуетъ, управляетъ и судить, онъ долженъ знать свою мѣру; если мы признаемъ, что съ коронаціей Θεодора Алексѣевича Царь въ Русской Церкви является священнымъ чиномъ, то не чиномъ епископскимъ, а соотвѣтствующимъ дьяконскому чину, какъ въ Византіи, и потому власти на законодательство, управление и судъ въ Церкви (*in foro interno*) не имѣющимъ. Если бы Никоновская идея православнаго Царя была осуществлена при немъ же, то Петровской церковной реформы быть не могло бы, и въ Россіи не было бы культурнаго разъединенія въ различныхъ слояхъ общества; ибо основной стержень — ея религія — не пересталъ бы быть вдохновляющей жизнью силой, нисколько не мѣшая благодѣтельнымъ реформамъ и успѣшнымъ войнамъ Петра. Быть можетъ, при надлежащемъ сохраненіи православной культуры въ руководящихъ слояхъ общества, и надлежащемъ отношеніи къ Церкви, съ образованіемъ народа и Царь и губернаторъ остались бы на своемъ посту, а не были бы удалены, какъ предсказывала Екатерина II Московскому губернатору. Не обходить въ своемъ послѣднемъ сочиненіи „*La Chiesa Russa*" Никона и **Palmieri**.

Palmieri.

Онъ считаетъ, что „съ Никономъ, непоколебимымъ въ своихъ требованіяхъ, прекращается моральная свобода русской іерархіи. Петръ I уничтожаетъ патріархатъ, ибо Патріархъ есть второй Государь, и священство — второе царство. По русскому канонисту Павлову, великій реформаторъ вводитъ въ Православную Церковь принципъ територіализма, выдвинутый протестантскимъ каноническимъ правомъ: *Cuius regio — eius religio*. Въ своемъ законодательствѣ онъ ставитъ свѣтскую власть во главѣ Церкви: дѣла чисто церковныя во власти Царя (Павловъ); онъ запрещаетъ духовенству хоронить въ дубовыхъ гробахъ, и духовенство смиренно исполняетъ его приказы. Другой указъ превращаетъ монастыри въ *scuderia delle trupe*, третій запрещаетъ монастырямъ отшельническую жизнь и заставляетъ принимать отставныхъ солдатъ, и іерархія молчитъ. Но эти указы не ограничились только второстепенными предметами, но нарушали иногда священныя предписанія Церкви и даже ея догматическія рѣшенія.

„Una delle prescrizioni piú vergognose concerne la violazione del sigillo sacramentale. L'ukaze del 17 maggio 1722 impone ai confessori di rivelare alia cancelleria segreta le congiure contro la famiglia imperiale, i cattivi pensieri che ledono Tonore della medesima, anche le parole pronunziate contro di essa. Il sinodo spiego in una sua disposizione che un simile atto non contraddice alle massime del Vangelo. Ed il clero obbedi servilmente esercitando con zelo il mestiero abjecto di delatore e di profanare della santità del sacramenti"¹

Это — результаты той системы, которую выдвигали патріаршіе свитки 1664 г. о высшей безграничной власти Царя, причемъ всѣ неподчиняющіеся ему (хотя бы духовные въ духовныхъ дѣлахъ) враги его власти. „E infatti gli eredi del servilismo bizantino non ismentirono le loro teorie, giungendo sinanco a strappare all' intrepido Nicone le insegne, della sua dignità"². И самъ Пальміери видимо восторгается, что низложенный **Патріархъ бросилъ имъ въ лицо упрекъ въ уничтоженіи священства ради денегъ**. Пальміери говоритъ, что борьба Никона съ Царемъ ради правъ іерархіи кончилась поражениемъ, ибо русскій епископатъ привыкъ склоняться подъ

¹ „Одно изъ наиболѣ постыдныхъ предписаній касается нарушенія исповѣднической тайны. Указъ 17. V. 1722 г. обязываетъ исповѣдника открывать въ Тайной Канцеляріи заговоры противъ Императорской семьи, дурныя мысли, оскорбляющія ея честь, и слова, высказанныя противъ нее. Синодъ объяснилъ въ одномъ изъ своихъ актовъ, что подобное дѣйствіе не противорѣчитъ правиламъ Евангелія. И клиръ рабски повиновался, осуществляя с усердіемъ отвратительное ремесло доносчика и профанации святости таинства”.

² „Дѣйствительно, наслѣдники Византійскаго сервиллизма подтвердили свои теоріи, идя до срыванія съ неустрашимого Никона знаковъ его достоинства”.

железной палкой гражданской власти. Энергичный Патриарх, говорит Пальміери, воспроизводит в своих сочинениях теорию, развитую в средние века Папами, говорившими во имя Бога и христианского общества". С последним мы никак не можем согласиться, ибо, хотя Никон и цитирует теорию двух мечей, но в нее вкладывает другой смысл. Метафорическое сравнение не доказательство особенно, когда определенно указан смысл Никоновской теории в зависимости от которого и образное сравнение получает иной смысл. Булла „Unam sanctam" 1302, которая дала законодательное выражение теории двух мечей, говорила не о двух разных мечах, о духовном и светском, которые принадлежали бы самостоятельно представителям власти духовной и светской, независимо одной от другой, как говорил Никон, а прибавляла нечто иное. Папа де осуществляет только власть духовного меча, т. е. слова, но и материальный меч принадлежит также Папе, лишь извлекается не самим Папой, а рукой королей. Материальный меч и властвующая им светская власть должны были подчиняться духовному мечу и духовной власти: подчинение всех римскому первосвященнику есть догмат, необходимый для спасения души. Мало того, духовная власть устанавливает земную власть и в случае отклонения ее от истинного пути, может ее судить. Булла Unam sanctam так и говорила: „**Uterque ergo est in potestate ecclesiae spiritualis scilicet gladius et materialis. Sed is quidem pro ecclesia, ille vero ab ecclesia exercendus. Ille sacerdotis, is manu regum et militum sed ad nutum et patientiam sacerdotis; oportet autem gladium esse sub gladio et temporalem auctoritatem spirituali subici potestati. Spiritualis potestas terrenam potestatem instituere habet et judicare.** Ergo si deviat terrena potestas judicabitur a potestate spirituali. Porro subest romano pontifici omni humanae creaturae declaramus, dicimus, diffinimus et pronuntiamus omnino esse de necessitate salutis"¹. Но у Никона духовная власть, как он определенно говорит, не устанавливает земную власть, а только освящает. Земная власть имеет у него самостоятельный источник происхождения; духовная власть у Никона не судит земную власть в смысле произнесения юридического приговора, который и был

¹ „Оба меча во владении Церкви, то есть духовный и материальный. Но один осуществляется за Церковь, а другой самой Церковью. Один рукой священства, другой рукою Царей и воинов, но для надобности священства. Но необходимо, чтобы один меч повиновался другому и светская власть духовной. Духовная власть должна устанавливать и судить власть земную. Поэтому, если земная власть провинится, то ее может судить духовная власть. Итак утверждаем, объявляем что для необходимости спасению необходимо подчинение всякого человеческого создания Римскому Первосвященнику".

бы исполненъ въ случаѣ уклоненія отъ земного приговора, какъ въ папской системѣ, вооруженной рукой, а ограничивается тѣмъ, что сдѣлалъ священникъ Азарія съ царемъ Осіей, т. е. протестомъ словеснымъ, оставляя остальное Богу. Духовная власть можетъ уклониться у Никона отъ соучастія въ грѣхѣ, и ради этого Никонъ самъ удалился съ патріаршаго престола, чтобы усугубить свой протестъ и воздѣйствовать на свѣтскую власть этимъ величественнымъ напоминаніемъ, но о правѣ низлагать Царя Никонъ никогда не заикался и всегда за Царя молился, несмотря ни на какія преслѣдованія. Никонъ говорилъ только о направленіи дѣятельности Царя Алексѣя Михайловича, чтобы онъ былъ Царемъ православнымъ и стяжалъ благополучіе самому царству, но онъ не ставилъ и вопроса о томъ, что царская власть исходитъ отъ духовной власти, и въ коронованіи и таинствѣ мѣропомазанія не усматривалъ делегаціи власти отъ представителя духовной власти. Никонъ ставилъ предъ царской властью обязательства предъ Церковью, но никогда не говорилъ, что въ случаѣ неисполненія ихъ ею Царь можетъ быть низложенъ; нѣтъ, онъ будетъ наказанъ Богомъ, и царству его уготовляется этимъ гибель, хотя бы и не сразу, а черезъ нѣсколько поколѣній. Никонъ выступалъ, какъ ветхозавѣтный пророкъ съ однимъ духовнымъ оружіемъ слова, а не какъ средневѣковый Папа, объявляющій низложеніе одному королю и поручающій другому привести его постановление въ исполненіе. Свѣтская власть съ средневѣковой системой можетъ быть по усмотрѣнію Папы передана другому лицу. Все это — слѣдствія того положенія, что средневѣковый Папа имѣетъ верховную власть не только въ духовныхъ дѣлахъ, но и въ свѣтскихъ, и всѣ короли имѣютъ отъ него свои территоріи на ленномъ правѣ. Сколько бы Никонъ ни получалъ имущества для Церкви или для своихъ монастырей, онъ получалъ ихъ отъ Царя или съ разрѣшенія Царя, и ихъ неотчуждаемость отъ Церкви выводилъ не изъ верховныхъ правъ Церкви, которыя бы стояли выше правъ государства въ сферѣ юридическихъ вещныхъ отношеній, а изъ заклія, съ которымъ связывали всѣ прежніе Цари пожалованіе имущества Церкви. Слѣдовательно, онъ ссылался не на первоначальное право Церкви, а на самоограниченіе государства, вытекающее изъ религіозной настроенности представителей его власти. Царь православный никогда съ себя такого самоограниченія снять не можетъ, ибо Церковь — его мать, которой онъ духовно всѣмъ обязанъ; напротивъ въ

ієрократической системѣ среднихъ вѣковъ все, что король имѣеть, имѣеть на ленномъ правѣ отъ Папы.

Грамота Восточныхъ Патріарховъ 5 мая 1682 г.

Отзывъ иностранныхъ **православныхъ ієрарховъ**, имѣющихъ право судить и высшихъ духовныхъ лицъ судомъ компетентнымъ, дается о Никонѣ въ грамотѣ Константинопольскаго Патріарха Якова отъ 5 мая 1682 года:„не токмо оставляемыхъ познахомъ покающимся ко всемилостивому Господу воелику согрѣшивъ, но и къ прежнему достоинству приводимыхъ. Понеже убо и въ прошлыхъ годѣхъ бывшій Патріархъ Московскій и всея Русіи киръ Никонъ... столпъ благочестія не колебаемый знаемъ бысть, **и Божественныхъ и священныхъ канонъ оберегатель искуснѣйшій, отеческихъ догматъ повелѣній же и преданій неизрѣченный ревнитель, но заступникъ достойнѣйшій:** но яко человекъ человѣчески болѣзньствуя отъ малолушія нѣкоего гнѣвомъ и уныніемъ побѣждаемъ бысть, которыхъ ради винъ... умноживше ссоры... и обличень и повинень осуждены по закону церковному наказанію и оставленію патріаршескаго достоинства, яже благосовѣтнѣе принявъ многими и тьмочисленными печальми и нуждами себѣ усмири и... яко злато въ горнилѣ искушень бысть... сего ради нынѣ явилось благословно и безпричинно быти милости сподобитися въ терпѣніи великодушному оному страдателю и къ патріаршескому воззывать поминовенію, не разрушая ради Собора того, отъ котораго онъ низвержень бысть никако; Соборъ бо той неразрушаемъ, быти же паче нерушимо и крѣпко хранимое хотимъ; но по подражанію дающаго Божественную милость, ею же Церковь богатствуетъ, яко не безпрощательная прегрѣшивше, многократными же добродѣтельными кончины мало порока прегрѣшенія своего очистивъ, праведно и достойно благопріятнаго мужа онаго отъ изверженія возмѣняемъ, но извыше отъ Святыхъ Отцовъ содержимому извычаю и по правильной церковнаго милосердія".

Изображая Никоновское построение церковно-государственныхъ отношеній, мы видимъ, что Никоновская теорія не была оторвана отъ дѣйствительности и восходитъ, какъ къ своему источнику, къ святоотеческому преданію, и здѣсь особенно иллюстрируется правильность мысли, выраженной по другому случаю Ю. Самаринымъ: „общественные идеалы не выдумываются и не навязываются; они слагаются сами собой, вырабатываясь постепенно

жизнью народа и передаются отъ одного поколѣнія къ другому безчисленными нитями живого преданія".

Митрополитъ Антоній (Храповицкій).

Такою же высокою оцѣнку въ русской литературѣ, какую встрѣчаетъ Никонъ у иностранныхъ корифеевъ науки, Стэнли, Пальмера, Theiner и Tondini, Никонъ встрѣчаетъ у Митрополита Антонія. Въ своемъ IV томѣ полнаго собранія сочиненій маститый авторъ, подобно имъ, называетъ Никона величайшимъ человѣкомъ Русской Исторіи и подробнѣе, чѣмъ кто либо изъ историковъ до него, останавливается на личности Никона. „Геній, говоритъ онъ, познается тѣмъ, что его личная жизнь сливается съ жизнью народа. Три его личныхъ предпріятія, Иверскій, Воскресенскій и Крестный монастыри стали общенародными русскими величайшими святынями. Главная его задача — ослабленіе русскаго церковнаго провинціализма. Въ Церкви Христовой не должно быть національной обособленности; національныя различія, преданія должны подчиняться единому общецерковному преданію. Этой вселенскости онъ давалъ явное предпочтеніе передъ націонализмомъ и потому не стѣснялся вводить греческое пѣніе и по изученіи греческаго языка служить литургію по-гречески. Никонъ, учась у грековъ, отбрасывая національное самолюбіе, процвѣтавшее у раскольниковъ, показывалъ свое смиреніе". Никакого властолюбія и честолюбія Митрополитъ Антоній не находитъ у Никона и подчеркиваетъ, что онъ не разрѣшилъ величать себя великимъ Государемъ въ Церкви, и не стремился къ церковному подчиненію Малороссіи, что легко могъ бы сдѣлать при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Никонъ никогда не мечталъ о подчиненіи свѣтской власти духовной. Нелѣпое обвиненіе его въ униженіи царской власти — боярская клевета. Митрополитъ Антоній особо останавливается на Никоновской неустрашимости, безхитростности, прямолинейности, на его ревности къ славіи Божіей, просвѣщеніи ума. Еще Новоспасскимъ архимандритомъ онъ вошелъ въ кружокъ ревнителей просвѣщенія, мечтавшаго о широкихъ планахъ — сдѣлать всѣхъ инородцевъ въ Россіи православными, освободить грековъ отъ турецкаго ига, устроить Церковь на строго каноническихъ началахъ, чтобы она прежде всего руководилась правилами Св. Апостоловъ, Вселенскихъ и Помѣстныхъ Соборовъ и Св. Отець, а государство — Кормчей. Никонъ всегда старался ревновать своему любимому святому — Святителю Московскому Филиппу — мужест-

венному поборнику правды, запечатлѣвшему вѣрность ей своей жизнью и сподобившемуся мученическаго вѣнца. Самъ Никонъ испилъ чашу страданій до дна отъ своихъ враговъ за свою прямолинейность и безкомпромисность. Митрополитъ Антоній обратилъ вниманіе на то, что причина ухода Никона съ престола психологически осталась необъясненной и послѣ сочиненій Каптерева. Писатели исходили изъ приписыванія Никону личнаго эгоизма, тогда какъ у него была только ревность о славу Божіей. Логику отреченія Никона Митрополитъ Антоній видитъ въ пренебреженіи со стороны Царя дружбой Никона. „Наша жизнь даетъ примѣры такой пламенной дружбы только въ самой ранней юности, но когда она возникаетъ и связывается въ умахъ идеалистовъ со всѣми планами жизни, со всей цѣнностью послѣдней, и, если дружба разрушается, то всѣ планы ея признаются разбитыми. Гонять такую логику могутъ только идеалисты, которыми однако, по справедливому наблюденію Достоевскаго, и подвигается жизнь къ лучшему и совершается общественное возрожденіе. Дружба Царя и Патріарха возстановила благообразіе общественной молитвы, исправила Св. Книги, присоединила Малороссію, привлекала въ Москву Патріарховъ и ученыхъ, побѣждала поляковъ и шведовъ, и политически возродила Московію на степень величія III Рима въ Царствѣ Божіемъ”.

Нисколько не оспаривая значенія этой дружбы для успѣха церковныхъ и государственныхъ дѣлъ и той катастрофы нравственной, которую переживалъ Никонъ отъ охлажденія къ нему его друга-Царя подъ вліяніемъ дурныхъ людей, мы укажемъ только, что центръ тяжести исторической проблемы, связанной и съ дѣломъ Никона, не въ этихъ личныхъ отношеніяхъ, а въ разрѣшеніи того, какое положеніе должна занимать Церковь и какъ государство должно относиться къ просвѣтительной миссіи Церкви въ государствѣ, — есть-ли Церковь помѣстная — союзъ самостоятельный, въ духовномъ смыслѣ высшій, чѣмъ государство, параллельный государству въ извѣстномъ смыслѣ, или только государственное учрежденіе для извѣстнаго нужнаго самому государству порядка дѣлъ.

Самое разъединеніе Царя и Патріарха было не продуктомъ ихъ какого либо недоразумѣнія, а результатомъ того, что Царь отказался по существу идти по пути, указываемому теоріей симфоніи, лежавшей въ основѣ Московскаго государственнаго строя, какъ того хотѣлъ Никонъ 22 іюля 1652 г. и какъ Царь ему обѣщаль, а пошелъ по пути, указанному Уложеніемъ, боярами и Лигаридомъ, т. е. по пу-

ти цезарепапизма. Однимъ словомъ главное дѣло въ идейномъ ихъ разногласіи, при которомъ указанная психологическія причины имѣють значеніе второстепенное въ оцѣнкѣ событій, но конечно чрезвычайно важны для пониманія психологіи самихъ участниковъ. На лицо была борьба двухъ традицій: воскресшей языческой и традиціи оцерковленія государства въ святоотеческомъ пониманіи.

Митрополитъ Антоній называетъ совершенно правильно судъ надъ Никономъ нечестивымъ и призываетъ благословеніе Божіе на имена трехъ архіереевъ, отказавшихся подписать приговоръ надъ Никономъ (Лазарь Бараноничъ, архіепископъ Черниговскій, Симонъ архіепископъ Вологодскій и Михаилъ епископъ Коломенскій) и напоминаетъ слова Никона о таинственности его низверженія „зачѣмъ въ отсутствіи Царя и въ малой Церкви, а не въ томъ Соборѣ, гдѣ нѣкогда умоляль его вступить на патріаршій престолъ, нынѣ несправедно и въ тайнѣ его низлагають?... Вы несправедный судъ произвели тайно; вы осудили меня въ частной монастырской Церкви, въ присутствіи однихъ клеветниковъ моихъ". Такой участи подвергся тотъ, кого авторъ называетъ величайшимъ святителемъ не только помѣстной русской но и всей Вселенской Церкви. „Среди великихъ вселенскихъ святителей Божіихъ имя Святителя Никона блеситъ, какъ яркая звѣзда первой величины на нашемъ духовномъ небосклонѣ". Судя по новымъ документамъ напечатаннымъ въ Русскомъ Архивѣ за 1893 г., выясняется, что главныхъ жизненнымъ правиломъ Никона въ отношеніи къ людямъ была любовь. То онъ заботится о крещенномъ греченкѣ, то о крещенномъ калмыченкѣ, то удовлетворяетъ просьбу мужиковъ о пшеницѣ, въ которой отказаль монастырь, а Никонъ дѣлаетъ помѣтку „и надо бы отказать, да боюсь, чтобы на насъ Богъ не прогнѣвался". У Никона, пишетъ Митрополитъ Антоній, была нѣжная мягкая, любящая душа"; это не былъ грубый черствый и жестокій Никонъ Каптерева, только карающій и заботящійся о своей власти и чести. Его душа горѣла о славѣ Божіей, и Митрополитъ Антоній пишетъ: „этотъ великій челоѣкъ понималь, что нѣтъ ничего на землѣ святѣе храма Божіяго, а потому усердно строиль благолѣпные храмы, Онъ понималь, что храмъ — это есть какъ бы книга, живое существо, воплощеніе религіознаго восторга. И вотъ размышляя смиренно объ этомъ величайшемъ челоѣкѣ, думаешь, какихъ даровъ ему не хватало... Аскетъ и демагогъ, правитель и отшельникъ, художникъ и хозяинъ, демократъ и другъ двора, патріотъ своего народа и вселенскій святитель, поборникъ

просвѣщенія и строгій хранитель церковной дисциплины, нѣжная душа и грозный обличитель неправды"... И его смиреніе запечатлѣно надписью подь образомъ Спасителя въ Воскресенскомъ монастырѣ, передь которымъ склоняются Св. Филиппъ съ одной стороны, и Никонъ съ другой. Надь головой Никона слова кондака Великой Среды: „Паче блудницы, блаже, беззаконновахъ, слезъ теченія никакоже Тебѣ принесохъ: но молчаніемъ моляся, припадаю Ти любовію облобызая пречистыя Твои нозѣ, яко да оставленіе мнѣ, яко Владыка, подашь грѣховъ, зовуща: Спасе, отъ скверныхъ дѣлъ избави мя, смиреннаго Никона раба Своего".

Если Пальмеръ, исходя отъ дѣлъ, совершенныхъ Никономъ для Церкви и государства, говоритъ, что Русская Церковь должна сопчислить его съ именами Петра, Алексѣя, Іоны и Филиппа, то Митрополитъ Антоній приходитъ къ тому же, исходя уже изъ свидѣтельствъ Божіихъ о Никонѣ черезъ чудеса, за которыя чтить его русскій народъ. „По глубокому убѣжденію благочестивыхъ русскихъ людей, пишетъ онъ, настанетъ время, когда этотъ великій угодникъ Божій будетъ прославленъ на землѣ и причисленъ къ торжествующей Церкви на небесахъ. Святой Патріархъ еще при жизни своей творилъ исцѣленія, обладалъ прозрѣніемъ и другими высокими дарованіями и послѣ смерти своей подаетъ исцѣленіе и даруетъ благодатную помощь всѣмъ, съ любовью и вѣрой къ нему притекающимъ... Эту вѣру особенно имѣютъ новоіерусалимскіе монахи, которые вѣрують въ нетлѣніе его мощей и ежедневно творять по немъ панихиду, на которой полагается особенный отпустъ: „Христось Истинный Богъ нашъ... душу отъ насъ представшагося раба Твоего св. Патріарха Никона въ селеніяхъ праведныхъ учинить, въ нѣдрахъ Авраама упокоить, съ праведными сопричтеть и насъ его **святыми молитвами** помилуетъ, яко благъ и челоуѣколюбець". Въ книгѣ, хранящейся при его гробѣ, записано много исцѣленій и видѣній послѣ его кончины и до послѣдняго времени. Придетъ время, когда св. Патріархъ будетъ изображенъ не со смиреннымъ моленіемъ кающагося грѣшника, а съ тропаремъ, прославляющимъ его высокія добродѣтели и подвиги, подъятыя во славу Божію". Характерно, прибавимъ мы, и то реальное участіе, которое связывается съ именемъ Никона въ жизни одного изъ важнѣйшихъ учреждений Русской Церкви и государства. Съ паденіемъ Никона пало и учрежденіе, въ которое онъ вдунуль душу и слиль съ собой; когда въ 1917 г. возстановлено было патріаршество, то этому предшествовало на Соборѣ возстановленіе и прославленіе

имени Никона въ лекціяхъ Митрополита Антонія до степени заслуженнаго имъ культа. Не случайно и то, что больше всего содѣйствовавшій въ 1917 году въ Россіи возстановленію памяти Патріарха Никона, Митрополитъ Антоній болѣе всего содѣйствовалъ и возстановленію каноническаго строя Русской Церкви черезъ возсозданіе въ ней должности первосвященника — Патріарха. Еще въ 1906 году въ Предсоборномъ Присутствіи онъ указывалъ, что „насилъственная противоканоническая реформа Петра обезличила и затмила религіозное сознаніе русскаго народа, оторвала духовенство отъ народа, превративъ духовенство въ касту. Реформа эта, приведя Русскую Церковь подъ господство государственнаго чиновника, лишила Церковь приличествующаго ей одушевленія и дерзновенія и положила начало отступленію отъ благочестія во исполненіе Божьяго глагола: поражу пастыря и разыдутся овцы стада". Для христіанизации быта нужно обновленіе церковнаго строя на каноническихъ началахъ, ибо каноны есть выраженіе Божественной воли, а они требуютъ, чтобы епископатъ Помѣстной Церкви возглавлялся отвѣтственнымъ передъ нимъ іерархомъ — первосвященникомъ, имѣющимъ право воздѣйствія на всю Помѣстную Церковь. „Воплощающая въ своемъ сердцѣ полноту Помѣстной Церкви, говоритъ Митрополитъ Антоній, облагодатствованная личность почти произвольно отрѣшается отъ земнаго самолюбія и, нося въ своемъ сердце Христово достояніе, отражаетъ на лицѣ своемъ Божественную славу, какъ Моисей Боговидецъ, сошедшій съ Синая послѣ бесѣды съ Всемогущимъ. И этой красоты Церкви мы были лишены въ продолженіи 200 лѣтъ сперва черезъ насиліе, а потомъ по недоразумѣнію. Коллегія не можетъ замѣнить Божьяго пастыря и безъ главы не бываетъ Церковь въ очахъ Божіихъ, но Церковь наша пребывала въ двухъвѣковомъ плѣненіи; ея глава былъ связанъ въ своихъ высшихъ полномочіяхъ, былъ вовсе лишень права ихъ проявлять, такъ что и узнать его трудно было бы христіанамъ; Церковь Помѣстная казалась обезглавленной, а потому она не имѣла приличествующаго ей одушевленія; а лучшія ея силы удалялись въ лѣса и пустыни, свѣтильники скрывались подъ спудомъ и люди, лишеныя свѣта въ храминѣ, отыскивая свѣтъ, бѣжали ночью изъ ограды Церкви". „Съ кончиной послѣдняго Патріарха (Адріана) нашъ бытъ развилъ себялюбивыя и чувственныя начала быта языческаго, выработалъ типъ русскаго нигилиста, изъ размноженія коего возникъ теперешній, ужасающій всю вселенную безобразный мятежъ противъ ро-

дины и противъ христіанской вѣры" (слова въ засѣданіи Пред. Соб. Присут. 1906 г.). Въ возстановленіи главы Помѣстной Церкви Митрополить Антоній рассчитываетъ видѣть начало возвращенія общественной жизни къ истиннымъ христіанскимъ началамъ, подобно тому, какъ лишеніе ея главы положило начало отступленію отъ благочестія. „Да будетъ, говоритъ онъ, это возвращеніе еще болѣе славнымъ, чѣмъ въ древней Руси. Пусть возродится прежняя ревность о спасеніи, прежнее евангельское смиrenomудріе и воздержаніе, искренность и всепрощеніе, но обогащенная болѣе зрѣлымъ разумомъ, науками и общественнымъ развитіемъ. И да возсіяетъ снова надъ землей нашей церковная Божественная слава и исполнится наша ежедневная молитва". И въ своихъ сочиненіяхъ о возстановленіи патріаршества, онъ напоминаль, что патріаршество не есть ограниченіе самодержавія, а самая надежная его опора, такъ что нѣтъ нужды дѣлать выборъ между этими двумя священными симпатіями русскаго народа. Вѣдь и тому и другому учрежденію сопутствуетъ одно и то же направленіе мысли.

Духъ Регламента. Смысль клеветы о замахѣхъ Никона на царскую власть.

Когда Петръ, добавимъ, писалъ въ Регламентѣ о замахѣхъ, разумѣя Никона, на царскую власть, онъ грубо клеветаль, повторяя боярскую выдумку, и на самомъ дѣлѣ пользовался ею для дискредитированія учрежденія, которое въ русской жизни олицетворяло чуждую и противную его неправославному міровоззрѣнію, православную идею оцерковленія жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. Отъ этого оцерковленія Петръ хотѣль прежде всего освободить царскую власть и вернуть ее къ идеѣ Царя — понтифексъ максимумъ; но этимъ самымъ онъ выриваль изъ подъ нея ея главную опору и смыслъ, ибо смыслъ царской власти въ русскомъ пониманіи неотдѣлимъ отъ Церкви; самъ Царь есть воплощеніе народнаго православнаго самосознанія, и безъ такового это учрежденіе не можетъ существовать. Коль скоро идея Царя — какъ перваго ктитора православія и основы жизни, (какъ говоритъ грамота Вселенскихъ Патріарховъ объ учрежденіи царской власти) исчезнетъ, учрежденіе это лишается своего непреходящаго значенія, и оно бросается въ тотъ водоворотъ идей, въ которомъ погибла въ дѣйствительности царская власть въ Россіи въ результатѣ искаженія этого учрежденія и расцерковленія его въ своей идеѣ, положеннаго Петромъ I.

Наше заключеніе объ идеяхъ Патріарха Никона.

Въ дополненіе къ ранѣе нами сказанному, скажемъ теперь свое заключеніе о Никоновской идеѣ царской власти. Онъ далъ теорію Царя православнаго, подчиняющагося и въ своей личной жизни и въ общественной дѣятельности православному ученію и правиламъ Церкви. Въ этомъ залогъ благоденствія и прочности царства. Въ соотвѣтствіи съ теоріей симфоніи, для государственной дѣятельности есть высшій смыслъ и критерій — въ духовомъ отношеніи къ жизни, не забывающій ея конечное назначеніе за гробомъ. Подобно тому, какъ въ наше время въ 1906 г. Митрополитъ Антоній предостерегалъ отъ распадена государства въ результатѣ нецерковнаго и противочерковнаго теченія интеллигентской мысли, такъ въ 60-хъ годахъ XVII вѣка Патріархъ Никонъ предостерегалъ государство отъ разрушенія въ виду едва тогда начинавшагося того же процесса въ видѣ умаленія общественнаго значенія Церкви, пренебреженія ея канонівъ, пренебреженія архипастырскихъ словъ, предостерегающихъ отъ нарушенія клятвы, данной Царемъ Патріарху. Архіереи, не поддержавшіе Патріарха въ исполненіи его священныхъ обязанностей, изъ челоуѣкоугодничества передъ дворомъ Царя, обезсилили іерархію на будущее время передъ лицомъ царской власти, подпадавшей впослѣдствіи разнымъ философскимъ, нецерковнымъ вліяніямъ, и черезъ то подтачивавшей тотъ корень, на которомъ она сама росла и крѣпла вмѣстѣ со своимъ царствомъ.

Никонъ напомнилъ святоотеческую идею различія властей свѣтской и духовной и косвенно побудилъ русскихъ архіереевъ на Соборѣ 1667 г. установить это различіе, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, но это принципальное утвержденіе не могло дать жизнь идеѣ, когда ея носитель, исповѣдникъ и воплоитель палъ самъ жертвой мелкихъ страстей идейно выродившагося боярства. Никонъ считалъ обязанностью Патріарха стоять за истину и за воплощеніе правды въ жизни и говорилъ, что на это іерархи и поставлены. Онъ ушелъ съ своей кафедры, когда Царь отступилъ отъ обѣщаннаго пути, и этотъ его уходъ черезъ два столѣтія говоритъ намъ краснорѣчивѣе всѣхъ словъ, что въ этомъ онъ усматривалъ высшую, но и необходимую мѣру воздѣйствія для православнаго архипастыря; гибель нашего отечества въ результатѣ господства идей противоположнаго свойства, есть исполненіе его предсказанія. Цѣной своей жизни онъ засвидѣтельствовалъ вѣру въ истину своего міросозерцанія и показалъ, что „плоды его разума, и имя его будетъ живо во вѣки“.

Языкомъ юридическимъ онъ объяснилъ, чего Царь не имѣеть права дѣлать, за недостаткомъ соотвѣтствующихъ благодатныхъ даровъ, даваемыхъ только іерархіи черезъ хиротонію; этихъ правъ не даетъ хиротесія, — каковую получаетъ Царь; она указываетъ, къ чему онъ призванъ въ отношеніи къ Церкви — быть ея защитникомъ, кти-торомъ. Давая ей пожертвованія и реально свидѣтельствуя любовь къ ней черезъ то положеніе, которое онъ даетъ въ своемъ царствѣ, Царь дѣлаетъ ея молитвы за него доходными до Бога и черезъ то получаетъ отъ Него благоденствіе для царства, во много кратъ превышающее его пожертвованія. Давая судебныя привилегіи духовенству, онъ предохраняетъ его отъ засилія своенравныхъ невѣжественныхъ воеводъ и властей и даетъ возможность развивать ему свое нравственное воздѣйствіе на народъ. Давая средства Церкви, онъ даетъ возможность ей выполнить ея долгъ благотворенія, помощи больнымъ, страждущимъ и престарѣлымъ, даетъ ей возможность содѣйствовать просвѣщенію народа.

Но прежде всего нужно, чтобы соблюдались каноны, какъ выраженіе Божественной воли. Въ этомъ отношеніи Никонъ шель по пути Византійскихъ ревнителей канонѡвъ, требовавшихъ обязательности соблюденія не однихъ догматовъ, но и канонѡвъ, не только ἀκριβεῖα τῶν δογμάτων но и ἀκριβεῖα τῶν κανόνων.

Не входя въ изученіе того, что въ канонахъ есть результатъ непосредственнаго Божественнаго волеизъявленія и что — результатъ историческихъ условій мѣста и времени, Никонъ однако въ сущности не расходится въ опредѣленіи современной намъ науки неотъемлемыхъ церковныхъ полномочій и, когда защищаетъ такія делегированныя государствомъ права духовенства, какъ права суда въ гражданскихъ дѣлахъ или права собственности, то прибѣгаетъ уже не къ Божественной волѣ, а къ завѣтамъ исторіи и царственныхъ предковъ, указавшихъ на должное отношеніе къ этимъ правамъ. Онъ требоваль, чтобы государство православное прежде всего воздавало признаніе Церкви и ея правамъ, вытекающимъ изъ ея природы. Онъ раскрыль съ ясностью, поразительной для его времени, смыслъ теоріи симфоніи и установилъ ее, какъ ученіе, рекомендуемое Церковью для государства, не по имени только называющагося себя православнымъ. Выполненіе перваго долга „единого на потребу" есть первая обязанность Царя православнаго.

Онъ отвергъ формы національнаго русскаго благочестія, какъ высшій критерій истинности, и истину вселенскую предпочель при

всей своей горячей любви къ родинѣ. Онъ мыслилъ свою Русскую Церковь, не какъ особую самодовлѣющую силу, указывающую свѣтъ міру, а принималъ ее въ единеніи съ прочими Помѣстными Церквами, какъ часть цѣлаго, но старался возвысить эту часть до того, чтобы она на дѣлѣ, а не по старообрядческому самомнѣнію была свѣточемъ, озаряющимъ и всѣ другія, и Москва, какъ Третій Римъ стала дѣйствительно столицей православія, не только по унаслѣдованному титулу, но и по дѣйствительному вліянію. Одно напоминаніе о своей Церкви, какъ о занимающей пятое мѣсто среди Восточныхъ Патріархатовъ и признаніе на дѣлѣ соборнаго принципа совершенно устраняютъ возможность приписывать ему стремленіе къ возсозданію восточнаго или русскаго папизма въ смыслѣ единовластія. Его стремленіе къ извѣстной независимости Церкви отъ государства есть возстановленіе святоотеческой забытой традиціи, а общеніе съ другими Православными Церквами и соборныя совѣщанія съ ними создавали бы въ дѣйствительности ту независимость, которая и была утрачена съ полученіемъ Русской помѣстной Церковью своего устройства изъ рукъ государственной власти по указанію тѣхъ идей, которыми въ данное время увлекались представители государственной власти.

Если сейчасъ жизнь создала совдепію, вдохновляемую идеями III Интернаціонала, вдохновляемаго безбожной матеріалистической философійей, то мы можемъ вспомнить, что на ея мѣстѣ нѣкогда была Россія, вдохновляемая православнымъ ученіемъ и идеями III Рима Никона.

Для своего времени Никонъ былъ консерваторъ въ смыслѣ отсутствія стремленій къ измѣненію системы существующихъ органовъ власти, но былъ радикальнымъ преобразователемъ въ смыслѣ измѣненій, по сравненію съ найденнымъ имъ status quo при вступленіи на патріаршество. Но эти измѣненія ему предносились, не какъ придуманная комбинація, а какъ воплощеніе святоотеческой традиціи Іоанна Златоуста, Іоанна Дамаскина, Θεодора Студита, которую онъ отстаивалъ всѣми средствами, приличествующими православному архипастырю. Въ теченіе восьми лѣтъ добровольнаго удаленія и 15 лѣтъ своей ссылки Никонъ съ полной непоколебимостью и неустрашимостью свидѣтельствовалъ свою правоту и, оставаясь все тѣмъ же „Никономъ суровымъ, строгимъ, какимъ онъ былъ въ минушіе годы, въ оны дни величія своего“; и его добровольное мученичество за Св. Церковь было прообразомъ того мученичества,

въ которое ввергнуто непріявшее его при жизни и отвергнувшее его идеи послѣ его смерти его нынѣ страждущее отечество.

Собравшійся въ 1917 г. Московскій Церковный Соборъ подь вліяніемъ революціи и первыхъ ея руководителей въ лицѣ временнаго правительства былъ настроенъ сначала неблагосклонно къ реставраціи каноническаго строя въ видѣ патріаршества, и лишь въ результатѣ вліянія Митрополита Антонія, читавшаго лекціи о патріаршествахъ и о Никонѣ, съ глазъ членовъ собора снята была пелена, окутывавшая ихъ мысленные взоры, и съ патріаршества и съ Патріарха Никона, лучшаго носителя этого сана. Пишущему эти строки памятни и эти лекціи, и паломничества членовъ собора на мѣсто жизненной борьбы и мѣсто послѣдняго упокоенія Патріарха Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ, и ему ниспослано счастье реально осязать, какъ память покойнаго св. Патріарха реально изъ-за гроба содѣйствовала возстановленію того учрежденія, паденіе котораго было нравственнымъ паденіемъ государства и этапомъ къ его матеріальной гибели. Да будетъ возстановленіе патріаршества началомъ возстановленія идеаловъ, съ нимъ связанныхъ, и прославленія св. Патріарха - исповѣдника этихъ идеаловъ. И да послужитъ прославленіе его имени къ возстановленію незаслуженно его поругавшаго его отечества. Да будетъ онъ вспомнятъ какъ носитель своеобразной русской культуры, призывающей къ расцвѣту всѣхъ человѣческихъ дарованій при неугасимомъ свѣтѣ Церкви; да будетъ онъ вспомнятъ, какъ представитель русскаго крестьянскаго міра, давшаго, въ лицѣ своего представителя, одно изъ лучшихъ проявленій народнаго генія, какъ залогъ великихъ будущихъ возможностей для раскаявшагося преступника, стрѣлявшаго въ распятіе (разсказъ о преступникѣ у Достоевскаго въ „Дневникѣ Писателя“); да будетъ онъ вспомнятъ какъ пророкъ Божій, предсказавшій гибель своего отечества, и да будетъ онъ сопричисленъ къ Русскимъ перво-святителямъ Московскимъ Петру, Алексію, Іонѣ, Филиппу и Гермогену, какъ запечатлѣвшій праведностью своей жизни и мученичествомъ непоколебимую вѣрность Православію, которое онъ понималъ, не какъ теорію, а какъ „истину, путь и жизнь“. Да отпадетъ Божья кара отъ отечества нашего, и да не будетъ болѣе мѣста для отмщенія Божія, явившагося за грѣхи наши по заповѣди: „Мнѣ отмщеніе, и Азь воздамъ“. Да будетъ искуплена дѣлами нашими вина наша передъ праведникомъ Божиимъ, и да помогутъ Его святыя молитвы обрѣсти намъ путь къ спасенію вѣчному и земному на родинѣ своей, памятуя

его назиданія о Церкви Божіей и о надлежащемъ къ ней отношеніи, подобно тому, какъ онѣ помогли возстановить въ нашей Церкви санъ, вознесенный имъ въ мѣру возраста Христова. И да начнетъ свой путь возстановленія Россія не кощунственными пародіями всешутѣйшаго патріарха и всепьянѣйшаго собора, усовершенствованными въ наши дни въ Совѣтской Россіи, а покаянiемъ передъ Святѣйшимъ Никономъ за неправду къ нему и за забвеніе его высокихъ идеаловъ Святой Божіей Церкви, призванной пресуществлять всѣ людскія отношенія и въ семьѣ, и въ обществѣ, и въ государствѣ. Напоминаніе Никона объ особой природѣ Церкви, ея полномочій, ея органовъ особенно важно при реставраціи національной государственной власти. Въ Основныхъ Законахъ 1906 года эти понятія совершенно забыты, какъ то показываетъ рядъ контроверзь въ русской государственной наукѣ, возбужденныхъ относительно природы власти Св. Синода, его положенія въ государственномъ строѣ Имперіи, а также относительно предѣловъ власти Императора въ церковныхъ дѣлахъ. Послѣдній вопросъ для государствовѣдovъ сводился къ вопросу о томъ, принадлежитъ ли правообразующая дѣятельность къ Церкви одному Императору въ порядкѣ верховнаго управленія, или въ единеніи съ Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ. Самый же вопросъ о предѣлахъ власти самого государства въ Церкви какъ бы игнорируется или, въ лучшемъ случаѣ, недостаточно отмѣчается.

Оставляя въ сторонѣ уже выясненный вопросъ о неканоничности учрежденія Синода государственной властью, о которомъ упоминаетъ ст. 65 Основныхъ Законовъ, мы уже указывали, что его власть въ соотвѣтствіи съ его положеніемъ по Основнымъ Законамъ опредѣлялась какъ истечение власти Государя. Вопросъ шель лишь о томъ, считать ли его въ разрядѣ государственныхъ учреждений Верховнаго Управленія, т. е. управленія, въ которомъ Государь дѣйствовалъ непосредственно и нераздѣльно, или подчиненнаго т. е. такого, которому ввѣрена властью Государя извѣстная подчиненная степень власти, т. е. гдѣ Государь дѣйствовалъ посредственно и раздѣльно. Характерно, что спорящія стороны о собственно церковной сторонѣ совсѣмъ забываютъ. Одинъ изъ нихъ **Темниковскій** прямо говоритъ: „непроизводной по происхожденію и самостоятельной по осуществленію чисто церковной власти Русскіе Основные Законы не знаютъ" (Казанскій *op. cit.* 244). Для него Императоръ есть носитель высшей власти въ Русской Православной Церкви. Его церковная власть есть часть или, вѣрнѣе, одно изъ направленій высшей

власти государственной. Съ формальной юридической стороны Русская Православная Церковь есть часть государственнаго строя, вѣдомство. Синодъ есть государственное учрежденіе, заимствующее власть отъ Монарха и дѣйствующее его именемъ. Еще опредѣленнѣе говорить **Engelmann** (стр. 242 Казанскій ib.): „Die Gesetzgebung in der Kirche und damit die Entscheidung über die Ausbildung und Entwicklung des kirchlichen Glaubens und des kirchlichen Rechts liegt in den Händen des Kaisers, desgleichen die Verwaltung. Dem Russischen Kaiser steht also nicht bloss das jus circa sacra, sondern auch das in sacris zu"¹. Въ томъ то и ошибка Основныхъ Законовъ, что они игнорируютъ эту собственную церковную власть. Мы видѣли, что **Градовскій** самъ отъ себя восполняетъ этотъ пробѣлъ Основныхъ Законовъ, говоря о границахъ государственной власти въ вселенскомъ канонѣ, а пр. Казанскій говоритъ объ этой церковной власти совершенно глухо, ограничивая эту церковную власть вопросами догматовъ и правовѣрія, принаравливаясь къ терминологіи нашихъ Основныхъ Законовъ, но Градовскій, не уясняя особой природы церковной власти и органовъ, оставилъ въ сторонѣ законодательство Помѣстной Церкви и говоритъ о Синодѣ, какъ объ одномъ изъ государственныхъ учрежденій Верховнаго Государственнаго Управленія (т. е. такого, въ которомъ верховная власть Государя дѣйствуетъ непосредственно). (Нач. Рус. Госуд. Права I, 348). **Тихоміровъ** вовсе не ставитъ вопроса объ особой церковной власти отдѣльной отъ государственной и не уточняетъ положеніе Синода среди государственныхъ учрежденій. На стр. 249 Казанскій приводитъ его слова: „должно ли заключить, что въ церковномъ управленіи высшая власть принадлежитъ только исключительно Императору, а Синодъ есть лишь его орудіе, какъ Сенатъ, министерства и другія управительныя учрежденія? Это ясно не подтверждено и не опровергнуто, равно какъ не сказано нигдѣ, чтобы Синодъ имѣлъ хоть какую-нибудь долю самостоятельной власти". Въ другомъ мѣстѣ приведена изъ него другая цитата:² „фактически высшей властью Церкви является оберъ-прокуроръ, ибо онъ ведетъ сношенія съ верховной властью, онъ дѣлаетъ Государю доклады, всѣ совѣщанія Государя о дѣйствіяхъ по Церкви происходятъ только съ оберъ-прокуроромъ... при этомъ власть оберъ-прокурора увеличива-

¹ Законодательство въ Церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшеніе объ образованіи и развитіи церковной вѣры и церковнаго права лежитъ въ рукахъ Императора, равно и управленіе, Русскому Императору принадлежитъ такимъ образомъ не только jus circa sacra, но и jus in sacra.

² Сами мы, несмотря на всѣ старанія, никакъ нигдѣ не могли за предѣлами Россіи найти сочиненіе Тихомірова „Монархическая Государственность".

ется тѣмъ, что назначеніе членовъ Синода зависитъ отъ Государя, а представитель Государя при Синодѣ и Синода при Государѣ есть самъ оберъ-прокуроръ, т. е. фактически онъ имѣетъ, если не абсолютное, то огромнѣйшее вліяніе на вызовъ епископовъ для присутствія въ Синодѣ". Самъ пр. Казанскій также не ставитъ вопроса объ особой церковной власти, которую игнорируютъ Основные Законы, и занимается только вопросомъ о мѣстѣ Синода среди государственныхъ учреждений. „Скорѣй всего, пишетъ онъ, слѣдовало бы Синодъ считать органомъ управленія подчиненнаго, но участвующимъ и въ управленіи верховномъ, словомъ равнять его съ другими высшими государственными установленіями, имѣющими такъ сказать, двойственную природу. Поскольку ему принадлежитъ рѣшающая власть, Синодъ есть органъ управленія подчиненнаго, поскольку онъ является лишь совѣтникомъ и исполнителемъ велѣній Государя Императора, онъ есть органъ Верховнаго Управленія". Однако фактъ существованія особой церковной сферы не можетъ быть игнорированъ государствомъ и всплываетъ не у одного Градовскаго. Такъ **Аваловъ** (Казанскій ів. 264 стр.) опредѣленно говоритъ объ этой церковной сферѣ, но оставаясь на почвѣ Основныхъ Законовъ, отдаетъ ее опять во власть Императора. Онъ пишетъ (ів. 254): „по общему правилу церковное Законодательство въ прямомъ смыслѣ слова, (т. е. не государственное о Церкви законодательство, а остальное) лежитъ за предѣлами Свода Законовъ, внѣ компетенціи Совѣта Министровъ и Законодательныхъ учреждений. Православная Церковь есть и самостоятельная религіозно-правовая сфера, жизнь которой регулируется многими факторами; однимъ изъ важнѣйшихъ является главенство Монарха „блюстителя правовѣрія" и „благолѣпія" Церкви, „дѣйствующаго при посредствѣ Синода". „Управленіе церковное есть верховное и органомъ Его является Синодъ". И у Авалова, какъ у Казанскаго, церковное управленіе охватываетъ различные виды дѣятельности и правообразование, и администрацію, и судъ и всѣ эти функціи относятся къ верховному органу государственной власти — Монарху. Мы не можемъ не обратить вниманія, что комментаторы Основныхъ Законовъ, держась только ихъ, не могутъ никакъ вѣрно нащупать субъекта церковнаго законодательства, управленія и суда. Происходитъ это оттого, что понятіе Церкви, какъ Божественнаго учрежденія, имѣющаго особаго благодатныя полномочія и основанныя на нихъ функціи законодательства, управленія и суда, не принято во вниманіе въ достаточной

мѣрѣ Основными Законами. Понятіе это дано Русской канонической наукой и должно быть принято во вниманіе при опредѣленіи границъ власти государственной. Это-то понятіе Церкви выдвигалось Никонь, какъ предметъ обязательнаго признанія для Православнаго Царя. Поскольку Русское государственное право очеркилось далѣе до облеченія верховнаго главы государства въ священный Чинъ, эта связанность его канонами въ его дѣятельности вытекаетъ сама собой. Поэтому для насъ ст. 65 Основныхъ Законъ является съ одной стороны вѣрнымъ констатированіемъ факта созданія Синода государственной властью на положеніи государственнаго учрежденія, и одновременно вопіющимъ каноническимъ беззаконіемъ, явившимся слѣдствіемъ того разрушительнаго направленія государственнаго отношенія къ Церкви, съ которымъ боролся Никонъ, отстаивая прежде всего права Церкви, вытекающія изъ ея существа, указаніемъ, что высшее церковное учрежденіе не можетъ быть создано властью государственной, что оно имѣетъ прежде всего чисто церковную компетенцію, вытекающую изъ даровъ благодати Святаго Духа, къ каковой компетенціи государство можетъ прибавить нѣчто отъ себя въ силу делегации, но эта добавочная компетенція для церковныхъ учрежденій не существенна и можетъ быть только прикладной. Члены этихъ учрежденій не могутъ зависѣть въ своемъ существованіи отъ назначеній государственной властью и опредѣляться въ своей дѣятельности ея вліяніями. Тотъ переворотъ, который произведенъ въ отношеніи Церкви и государства послѣ введенія христіанства и признанія Церкви государствомъ, съ упоминанія о которомъ мы начали свой трудъ, и который напоминаетъ намъ объ особой природѣ Церкви, долженъ быть всегда передъ нашими глазами при уясненіи нормальныхъ отношеній къ Церкви со стороны государства, признающаго Православную Церковь тѣмъ болѣе, когда оно даетъ ей преимущественное положеніе.

Однимъ словомъ, Церковь является учрежденіемъ параллельнымъ государству, но не стоящимъ юридически выше или ниже его. О способѣ ихъ взаимодѣйствія мы достаточно говорили, излагая теорію симфоніи съ ея Богомудрой Священной Двоицей Царя и Патріарха и теорію Никона, основанную на Святыихъ Отцахъ Церкви. Теорія симфоніи, признающая Церковь, какъ особый самостоятельный организмъ, нисколько не нарушаетъ принципа самодержавія, какъ верховнаго государственнаго властвованія въ силу собственнаго

права, и полноты верховной власти, какъ власти государственной, дѣйствующей въ предѣлахъ, подлежащихъ вѣдѣнію государства.

КОНЕЦЪ.